

РУБИ ДИКСОН

ОСЕННЯЯ
ЯРЯННЯ

КРАСАВИЦА

Вот уже много лет в проклятом лесу неизменно живет чудовище. Из года в год на Праздник Урожая ему отправляют новую невесту..., которая никогда больше уже не возвращается. Однако когда новой невестой выбирают Уиллоу, она стремится заручиться помощью местной мудрой знахарки.

Уиллоу может разрушить проклятие, но для этого ей следует ни в коем случае не смотреть на чудовище. Сказать-то легко, а вот по мере того, как накал страстей между ними усиливается, в силах ли она сдержать свое обещание? Или же ей потребуются воочию убедиться, кто или что укладывает ее в постель?

Перевод: Сандра

Редактор: Eva_Ver

Вычитка: Наташа Бегишева

Обложка: Таня Медведева

Оформление: Eva_Ver

Глава 1

Уиллоу

Сколько себя помню, в замке на краю леса всегда существовало чудовище.

Просто мне... никогда раньше не снились сны о нем. До этой ночи.

В моем сне я слышу, как у меня под ногами, хрустят опавшие листья, но я ничего не вижу. Из-за того, что не могу пользоваться глазами, все остальные мои чувства, судя по всему, обостряются, возрождаясь к жизни, так как я чувствую обильный запах глинистой почвы, слышу, как на деревьях поют птички, ощущаю дуновение прохладного ветра, что накаляет эту ночь. В этом лесу я одна, и это вообще-то странно, потому что в этот лес никто не ходит.

Он проклят.

Лесные птицы замолкают, и тогда я слышу звуки шагов. Это не человеческие шаги; они тяжелые. Медленные. Зловещие.

— Кто ты? — требовательно спрашивает голос, глубокий и хриплый. Я понимаю, что это чудовище. Однако, в место того, чтобы прийти в ужас, я возбуждаюсь. Мощь слышится в звучании его голоса, в тяжелой поступи его ног. Я чувствую его присутствие в воздухе, словно он заставляет ветер повиноваться всего лишь своим существованием.

Я продолжаю идти, ощущая, что мои соски затвердели, натягивая лиф платья. У меня начинает пульсировать между бедер, как это бывает, когда тайком сама себя ласкаю. Хотя я ничего не вижу, мне совершенно не страшно.

— Я Уиллоу, — шепчу я, и мой голос кажется страстным даже для моих собственных ушей. — Я пришла сюда, чтобы стать твоей невестой.

— Уходи, — он приказывает. — Та, единственная, кто может стать моей невестой, должна прийти сюда по ее собственному выбору.

— Это мой собственный выбор, — отвечаю я ему, именно это и имея в виду на самом деле. Я провожу языком по своим пересохшим губам, все мое тело покалывает от нетерпеливого предвкушения. Я хочу этого больше всего на свете. Просто мне очень хотелось бы его увидеть...

— Ты должна выбрать меня, — повторяет он еще раз. — Во всех отношениях.

И он рукой прикасается к моему лицу... вот только это не рука, это — лапа. Я чувствую когти и мех. Это вызывает у меня отвращение даже, несмотря на то, что мне хотелось бы узнать, выглядит ли он хотя бы немного человеком.

— Ты выбираешь меня во всех отношениях? — настаивает он.

Я киваю головой.

— Тогда опустишься на колени, — говорит мне чудовище, и я слышу шелест одежды. Понятия не имею, от его или моей одежды этот шелест, но тут осознаю, что опускаюсь на колени и...

Тяжело дыша и задыхаясь, я просыпаюсь. Моя киска пульсирует от желания, и я одна в своей постели. Это был всего лишь сон.

Тем не менее, все ощущалось потрясающе реалистично. Мне любопытно, что же все-таки это значит. Терзаясь чувством тревоги, я вылезаю из постели и, пересекая свою комнату, подхожу к маленькому окошку. Я открываю оконную створку и делаю глубокий вдох ночного воздуха. Что за странный сон? Странно видеть во сне чудовище и еще более странно из-за него возбуждаться.

Мне... интересно, как же он выглядит. Если уж на то пошло, настолько ли он отвратителен, как гласит молва. Мне этого не узнать никогда, но все же мне любопытно.

***

На следующий день все в городке только и говорят, что о чудовище и предстоящем Празднике Урожая. Меня это не удивляет. Это происходит из года в год с тех пор, как я себя помню. Моя мама говорила мне, что еще ее мама рассказывала ей истории, предостерегающие никогда не ходить в лес после наступления темноты, поскольку это владения чудовища. О том, что он охотится в тених и темных местах, и о том, что он крал свет у всех тех, кто рискнул слишком приблизиться к нему. О том, что когда-то он был красивым принцем, который оскорбил королеву фей, и все, что он высоко ценил, было у него украдено в качестве наказания.

Правда, нет ни слова о том, как он выглядит. Только то, что он проклят и на вид ужасно уродлив. Я над этим задумываюсь, пока занимаюсь своими повседневными делами, дою коров и вычищаю хлев. Даже не смотря на то, что затаенное чувство беспокойства сохраняется в течение всего этого дня, я полна решимости не дать ему себя одолеть. Если уж на то пошло, то я больше заморожена своим странным, эротическим сном о чудовище.

Его голос мне казался таким человеческим. Очень человеческим. Очень... соблазнительным.

Кажется немного странным думать о чудовище иначе, как о ледящем кровь ужасе.

Знаю, что если расскажу маме о своем сне, она будет крайне потрясена. Она бы сказала, что это ответная реакция на то, что скоро Праздник Урожая, и я разволновалась.

Это, конечно, так, но не думаю, что именно поэтому мне снилось, как я встаю на колени перед чудовищем. Нет оснований считать его сексуальным и возбуждающим. Он должен быть пугающим. Для любой женщины моложе двадцати пяти Праздник Урожая — это время страха, а не время радости. До тех пор никому не дозволяется выходить замуж, и никому не позволено покинуть королевство. Все мы — собственность проклятого принца, хоть и никогда его не видели и ничего про него не слышали.

Каждую осень, когда землю покрывают оранжевые и золотые листья, отмечается Праздник Урожая по случаю годовщины того дня, когда принц был превращен в чудовище.

Ежегодно по приказу министра из каждой деревни королевства собираются по одной девственнице возле Камня Праздника Урожая на краю заколдованного леса. Девам выдаются привязанные к столбу Праздника Урожая ленты, и они кружат вокруг него снова и снова, медленно разматывая свои, привязанные к столбу ленты, отступая от чествованного майского дерева. В то время как девы танцуют кольцом, одна за другой, от клубка отпадают ленты до тех пор, пока не остается лишь одна лента.

Эта дева выбирается невестой чудовища.

Из года в год, когда красивую девушку отправляют в сумрачный лес, это вызывает жалобные потоки слез и глубокую скорбь. И каждый год мы ждем. Мы ждем, что на этот раз это станет именно тем случаем, когда проклятие будет снято, принц влюбится, и наше королевство вернется к процветанию.

Но из года в год проклятие по-прежнему остается, и каждый год на Праздник Урожая должна выбираться новая невеста. Прежние невесты бесследно исчезали и о них больше никогда не слышали, а осень — это время, что порождает страх, а не праздничное настроение.

Сама я пережила двадцать осеней. Меня никогда не выбирали представлять нашу деревню Виндибрук, но поскольку мы живем на окраине этого леса, я неоднократно видела эту церемонию. Девушка из нашей деревни, которая каждый год нас представляет, Роузи, она нежная, милая и прекрасная, с каскадом золотых кудрей и доброй улыбкой. Роузи счастливица. Несколько лет назад Роузи отправилась к мудрой знахарке на окраине городка и попросила совета. Лета, знахарка, сообщила Роузи, что она никогда не будет принесена в жертву чудовищу.

Поэтому Виндибрук отправлял Роузи каждый год в течение последних десяти лет. И Роузи каждый год возвращалась обратно к своей семье. Она никогда не была выбрана, как и предсказала Лета.

Но два месяца назад Роузи вышла замуж, и теперь должна быть выбрана новая дева.

Может, поэтому он мне снился. Все же, это не объясняет, почему я нашла его невероятно возбуждающим. Отчего мне хочется ласкать себя, даже сейчас, лишь подумав о том сне. Отчего весь день напролет я гадаю, что бы произошло, если б я не проснулась и если б осталась на коленях...

Эти мысли заводят меня до конца дня и до самой ночи, когда я должна присутствовать на общем городском собрании. Там находятся и моя мать с отцом. Черт, там все семьи Виндибрука, имеющие дочь, потому что этой ночью будет решены наши судьбы. Будет выбрана та, кто будет представлять нашу деревню на Празднике Урожая... и, вполне возможно, станет следующей невестой чудовища. Мэр крайне напряжен, вытирает пот со лба

измятым носовым платком. В двух рядах впереди меня, сидя рядом с отцом, тихо льет слезы моя подружка Шиобан. Анна сидит в самом первом ряду и от гнева у нее напряжена спина, будто она отважилась бросить вызов мэру выбрать именно ее. Однако, она его дочь, и все мы знаем, что ее не выберут. Все до последней скамьи в маленьком зале этого собрания заполнены. Никто не хочет, чтобы их судьбу решил другой.

Моя мама крепко держит меня за руку.

— Ты только сиди тихо, Уиллоу. Что бы ни случилось, не привлекай к себе внимание.

— Все будет хорошо, мама, — заверяю я ее, хотя, честно говоря, не знаю, будет ли. Я подсчитываю девушек этой деревни, достигших брачного возраста. Помимо меня, есть семь девушек, а Кэтриона в следующем году будет уже слишком взрослой по возрасту. Чувствую, что моя кожа обливается холодным потом, правда, я не совсем уверена, это из-за того, что нервничаю, или из-за переполненного тесного помещения. Кажется, этой ночью сюда пришли все жители деревни.

Беглым взглядом я осматриваю переполненный зал, не видя ничего, кроме обеспокоенных лиц. В темном углу комнаты я не ожидаю увидеть Лету, ту самую мудрую знахарку. У нее нет семьи, поэтому очень странно ее здесь видеть. Она смотрит пристально и весьма многозначительно, прямо на меня.

Чувствую, что мои щеки начинают полыхать огнем. Такое ощущение, будто она знает о моих развратных снах, снах о чудовище, которые не снились бы ни одной женщине в здравом уме. Я отвожу взгляд, но потом снова украдкой оглядываюсь через плечо. Лета все еще продолжает смотреть на меня.

Ей что-то известно.

Мне любопытно узнать, что это. Я никогда не разговаривала с Летой. Никто в городке не разговаривал. Она чудная и выходит лишь по ночам. У нее свой крошечный домик на краю озера, и если слухи верны, то она ответит на любой вопрос, но необходимо принести ей что-нибудь в оплату.

Я еще никогда не была настолько любопытной, однако сегодня не перестаю задаваться вопросом, что Лета сказала бы мне, приди бы я к ней домой. Вот интересно, а знает ли она, как выглядит чудовище. Я буквально вне себя от любопытства.

Я поворачиваюсь и вижу, что у моей мамы вниз по щекам обильным потоком катятся слезы. Боже, нет. Я сжимаю ее ладонь еще раз.

— Не плачь, мама. Все будет в порядке.

— Откуда тебе знать? — она всхлипывает, цепляясь за мою руку.

— Потому что знаю, — мое сердце чувствует, что не должно случиться ничего плохого. Во всяком случае, такое ощущение..., будто есть нечто, что вот-вот начнется. Я необычайно взволнована, даже не смотря на то, что все из нас боятся сезона сбора урожая.

Встреча начинается. Взволнованные семьи спорят друг с другом, пока мэр не приходит к решению, что единственный путь, чтобы все было по-честному, — положить имена всех женщин в чашу.

— Пусть выберет Лета, — требует кто-то. — У нее нет семьи. Только так все будет справедливо.

Комната погружается в тишину. Все оборачиваются посмотреть на знахарку, но выражение ее лица остается невозмутимым и спокойным. Чашу подносят Лете, и она, не глядя, сует внутрь руку и вытягивает оттуда бумажку с именем. Она передает ее мэру.

Он ее прочитывает, ну а потом пристально разглядывает помещение. Его взгляд

останавливается на мне.

«Так я и знала. Я знала, знала, знала».

Я должна быть в ужасе, но на самом деле я... слегка возбуждена. Затаила дыхание. Крайне заинтригована. Даже если все это обернется в самое худшее, я смогу увидеть, как выглядит чудовище.

Моя мать начинает плакать еще громче. Мой отец в гневе, пробурчав себе под нос, рыком издает проклятие и вскакивает на ноги, собираясь поспорить с мэром. Но я знаю, это бесполезно. Все уже произошло. Я оглядываюсь на знахарку.

Она кивает мне головой.

Ну, тогда ладно. Я кандидатка от Виндибрука. Да, только... Не думаю, что на этом все закончится.

Мне кажется, что я скоро стану следующей невестой чудовища. И еще мне кажется, что Лета тоже об этом знает.

***

С той ночи в своих снах чудовище я не вижу. Я вообще не вижу никаких снов, а когда просыпаюсь, с огорчением обнаруживаю, что провела тихую спокойную ночь. А мне хотелось увидеть чудовище.

— Совсем скоро у тебя выпадет этот шанс, Уиллоу, — ворчу я себе, вставая с постели, чтобы одеться. Ерунда, не стоит волноваться. Но я не могу с собой справиться. Меня ужасно распирает от любопытства. Я хочу побольше узнать о нем, кто он такой. Что же произошло. Должно быть нечто большее, чем просто эти столь неопределенные и расплывчатые истории. Я быстренько одеваюсь, а затем выхожу из дома раньше, чем встали мои родители. Я покидаю нашу маленькую ферму и направляюсь вниз по дороге, а потом по тропинке к озеру, где в полном одиночестве живет знахарка. У меня с собой мои маленькие сбережения — всего лишь несколько монет и красивая расческа, которую я приберегала, чтобы укладывать свои волосы перед свадьбой. Понятия не имею, что знахарка хотела бы получить в качестве оплаты, но если это не сработает, может, смогу принести ей курицу.

Чего бы она не попросила, я заплачу, если у нее есть ответы.

Лета живет на дальней стороне озера, и здесь этим ранним утром в воды вышли несколько маленьких рыбацких лодок, охотник заходит в тростники со своими гончими. Придерживаясь своего пути, я всех их обхожу стороной, опустив голову, чтобы мне не пришлось ни с кем разговаривать. Когда приближаюсь к домику, я слышу слабый звук перезвонов колокольчиков и понимаю, что деревья возле домика, покрытого соломенной крышей, в котором живет Лета, все увешаны ветряными колокольчиками и погремушками. *Н-да.*

Дверь открывается прежде, чем я успеваю подняться по земляной тропинке до ее двери, и появляется Лета. У нее на лице появляется едва различимая улыбка, одна из ее бровей приподнимается, будто женщина не удивлена меня здесь увидеть. Я так и подумала.

— Заходи, — говорит она. — Я ждала тебя.

— Я не так уж много могу вам заплатить, — заявляю я, когда вхожу в ее маленький домик. Внутренняя обстановка в мрачных тонах, в очаге горит огонь, а в углу стоит прялка. С потолка, высушиваясь в пучках, свисают всевозможные травы, а в углу имеется маленькая кровать. Это стало для меня сюрпризом, потому что я полагала, что будет как-то более...

зловеще. Более по-знахарски. Он выглядит как любой другой дом, за исключением, пожалуй, огромного количества трав.

— Я не возьму твоих денег, — отвечает она. — А расческу оставь себе.

Я удивленно пялюсь на нее.

Лета притягивает табуретку к маленькому столику возле очага.

— Садись. У тебя есть вопросы.

— Так и есть, — меня интересует, как много вопросов можно задавать, но я склоняюсь к решению, что мне все же лучше сосредоточиться на действительно самых важных. — Я буду той, кого выберут стать его невестой, не так ли?

Лета садится прямо напротив меня. У нее в руках деревянная чашка, и, пока я смотрю, она раскрывает маленький мешочек и ссыпает в эту чашку травы, а потом добавляет воду из кувшина. Она все размешивает своим мизинцем, после чего, не сказав ни слова, предлагает ее мне.

— Это и есть ответ на мой вопрос? — я принимаю чашку в руки и вдыхаю запах трав. Я не распознаю ни одну из них.

— Ты задаешь вопрос, ответ на который уже сама знаешь, — прямо отвечает Лета. — Неужели это единственное, что ты хотела у меня спросить?

— Нет, конечно, — говорю я, задумываясь. — Я хочу узнать, как одолеть проклятие. Как освободить чудовище.

— Ответ на этот вопрос содержится вот там, — говорит она мне, указывая на чашку.

Я заглядываю внутрь чашки, но не понимаю, должна ли я что-то прочесть в этих листьях, задать ей вопрос, или еще что-то. Может, это волшебное зелье? Мне следует его выпить? Я изучаю чашку и бесстрастное лицо Леты.

Пожалуй, пришло время рискнуть. Я подношу чашку к губам и делаю глоток, после чего ставлю ее на стол и выжидательно смотрю на знахарку.

Кажется, она пришла в восторг, ее тусклые глаза прямо-таки сверкают.

Подперев одной рукой подбородок, она говорит:

— Что заставило тебя решиться сделать это?

— Отпить отсюда? — я рассматриваю чашку, а потом ее заинтересованное лицо. — Я подумала, что это может быть волшебным зельем. Я пришла к вам за помощью, поэтому надеялась, что это и есть помощь, — хотя, я не чувствую в себе никаких перемен. — Мне отпить еще глоток?

— Не обязательно. Хватит и одного.

— А что это?

— Чай, — она улыбается. — Волшебство заключается в твоей ответной реакции. Ты решила рискнуть, не зная возможной опасности. С чего бы это?

— Потому что... — на мгновение я задумываюсь. — Потому что здесь я не умру. Если я умру, это не принесет никакой пользы.

— Вот именно. Ты использовала ум, несмотря на то, что это казалось странным выбором. Ты дала разуму направлять себя, — ее глаза блестят. — Ну а теперь еще раз задай свой вопрос.

— Так как мне разрушить это проклятие? — спрашиваю я ее. — Если меня выберут невестой, как мне разрушить проклятие, чтобы я могла спасти чудовище?

— А ты знаешь, что ты первая, которая когда-либо спрашивала меня об этом, — женщина достает свой травяной мешочек, немного ссыпает в чашку, после чего добавляет

воду и снова размешивает. На этот раз она маленькими глотками потягивает свой собственный чай. — Обычно, когда меня спрашивают про проклятие, меня спрашивают, как оно воздействует на них. Им совершенно нет дела до чудовища, они беспокоятся лишь о себе самих. Когда они заявляются, то спрашивают, будут ли они теми, кого выберут. Они не спрашивают, как помочь другому. Довольно забавное явление, не правда ли?

— Трудно беспокоиться о чудовище, когда не знаешь, как он выглядит, и никогда не встречалась с ним, — говорю я. — Мне это понятно.

— Ааа, но ты уже видела его, разве нет?

Мои глаза широко раскрываются.

— В моих снах..., а откуда вы узнали?

— Потому что ты не боишься, — загадочно отвечает Лета. — Ты не заливаешься слезами, оплакивая свою судьбу. Глаза у тебя распахнуты от любопытства, и спрашиваешь ты, как снять проклятие, а не то, что это может означать для тебя, — ее губы растягиваются в улыбку. — Тебе хочется узнать живого мужчину, который скрывается за проклятием.

Я чувствую, что у меня начинают гореть щеки, поскольку мысли мои снова возвращаются ко снам.

— Это так плохо?

— Вообще-то, нет. Это очень, очень хорошо, — она делает еще один глоток чая. — У меня есть ответы, которые ты ищешь.

— Есть?

Знахарка кивает головой.

— А ты готова выслушать? И, что более важно, готова ты послушаться и сделать так, как тебе велено? Существует способ, как снять проклятие, но это будет нелегко.

— Откуда вам это известно?

Сузив глаза, она смотрит на меня.

— Думаешь, он единственный, кто пострадал от этого проклятия?

Ооо. Мои руки сжимают чашку.

— Скажите, Лета, что я должна сделать. Мне важно знать. Я хочу узнать больше.

Она наклоняется вперед.

— Ты должна выполнить все в точности, как я скажу. Как я уже сказала, это будет нелегко. Тебе будет страшно. Ты не захочешь делать то, что я сказала. Но это все равно, что чашка в твоих руках. Слушай голос своего сердца, а не разума, и узнаешь, в чем заключается истина.

Это... мало о чем мне говорит.

— Продолжайте.

— Проклятие весьма конкретное. С того момента, как тебя выбирают и ты заходишь в лес, ты ни разу не должна смотреть на его проклятие.

Я хмурюсь, не совсем понимая, о чем она говорит.

— Что вы имеете в виду?

— Ты пойдешь через проклятый лес. Листья будут хрустеть у тебя под ногами, в то время как ты будешь идти по тропинке, а на деревьях будут петь птицы. Пока будешь оставаться на тропинке, будешь в безопасности. Чудовище встретит тебя. Он от тебя кое-что потребует. Он попросит тебя взглянуть на него, — она делает глоток чая. — Но ты все время должна быть с завязанными глазами.

— С завязанными глазами? — повторяю я эхом.

Лета кивает головой.

— У тебя будет соблазн взглянуть на нечто удивительное, что он будет показывать тебе. Тебе захочется увидеть замок. Тебе захочется увидеть его лицо. Тебе захочется познать истинный характер чудовища, — Лета ставит чашку на стол и складывает руки на коленях, выражение ее лица серьезное. — Но тебе нельзя. Что бы он ни просил от тебя, ты не должна смотреть на него.

Я с трудом глотаю. Чувствую, как на меня обрушивается чувство разочарования. Даже после всего этого я так и не увижу его лицо? Я так и не узнаю, как он выглядит?

— Как мне снять это проклятие?

— Три ночи спустя, если взглянешь на него, проклятие будет снято.

— Вот так просто? В самом деле?

Лета посмеивается над моим вопросом.

— Ах, моя дорогая, милая Уиллоу. Все вот так просто и так тяжело.

Глава 2

Уиллоу

Дни проходят в торопливой работе. До наступления Праздника Урожая я помогаю родителям на ферме, делая все, что в моих силах. Меня здесь не будет, чтобы помочь им... после него. Либо я сниму проклятие, как сказала Лета, либо я закончу, как еще одна исчезнувшая девушка, о которой никто и никогда больше ничего не услышит.

Я снова и снова обдумываю то, что поведала мне Лета. Вечером, когда я должна была бы отдыхать, читая книжку или вышивая, я шью повязки для глаз. Не просто какие-то там повязки для глаз, а у которых дополнительные защитные слои ткани, чтобы я и мельком не разглядела чудовище. Повязки для глаз с дополнительными завязками, чтобы они не соскальзывали. Повязки для глаз, соответствующие только мне. Повязку для глаз, предназначенную носить исключительно в дневное время, и повязку для глаз, достаточно комфортную, чтобы в ней спать.

Мои родители и не замечают этого. Они слишком поглощены скорбью о моей неминуемой смерти. Я стараюсь не дать их горю сломить меня. Хотела бы я сказать им, что намерена окончательно разобраться с проклятием, но... а что, если мне это не удастся? Поэтому я ничего не рассказываю. Я обнимаю их и говорю, как сильно люблю, и делаю все возможное, чтобы облегчить им жизнь, прежде чем их покину.

Ночами сны у меня совершенно бессодержательные... до последней ночи, прямо перед Праздником Урожая.

В эту ночь мне снова снится чудовище.

Я брожу по лесу, точно так же, как и во время своего предыдущего сна. Свежий ветер посылает легкий озноб, листья хрустят под моими ногами. Тем не менее, я ничего не вижу. У меня завязаны глаза, именно так, как Лета велела мне сделать. И хотя у меня глаза полностью закрыты, я все же чувствую кого-то рядом. Кого-то... выжидающего.

— Я знаю, что ты тут, — говорю я тихо.

— Что ты тут делаешь? — требовательно рычит он. — Что ты делаешь на моем пути? В моем лесу?

— Я пришла, чтобы выйти за тебя замуж, — говорю я ему. — Чтобы разрушить проклятие.

Он взрывается смехом, таким глубоким, хриплым и практически нечеловеческим. Я слышу звук шагов, когда он приближается, и тут к моей спине прижимается крупное тело. Когтистая лапа охватывает меня вокруг шеи. Он не сжимает, просто держит ее там.

— Чего же ты хочешь?

— Снять проклятие, — отчего меня так возбуждает его зловещее прикосновение? Отчего у меня мурашки бегут по коже от осознания его близости? Отчего у меня пульс зашкаливает лишь оттого, что своим телом ощущаю тепло его тела?

— Это то, чего ты действительно хочешь? — что-то прижимается к моему уху. Губы? — А может нечто большее?

И я задыхаюсь, потому что он прав... Я и правда хочу нечто большее. Нечто большее, чем просто снять проклятие. Нечто большее, чем просто освободить его. Я хочу... больше всего остального. Я хочу, чтобы его рука — с когтями и всем остальным — делала нечто большее, чем просто поглаживала мою шею. Мне хочется больше прикосновений.

Мне хочется узнать, каковы были бы ощущения, если бы его губы накрыли мои.

Больше, чем что-либо на этом свете мне хочется увидеть его лицо.

Совершенно отчаявшись, я срываю свою повязку для глаз. Я оборачиваюсь, потому что хочу взглянуть на его лицо. Но мир вокруг меня погружается во тьму, и я все равно не могу его рассмотреть. Я не вижу вообще ничего.

— Ты солгала, — шепчет он, растворяясь во мраке. — На самом деле ты и не думала меня освободить.

Я просыпаюсь в холодном поту.

***

Сборище стольких людей на Празднике Урожая кажется пустой тратой времени. Я одеваю свое самое красивое платье, заплетаю волосы, упаковываю самое необходимое и на прощание обнимаю своих родителей. На краю леса у Камня Урожая, где все должно произойти, уже создано майское дерево с лентами в ярких осенних цветах, как будто все это повод для праздника. Остальные девушки рыдают, заливаясь слезами, в то время как занимают свои места у столба. Мне хочется их успокоить, что не их выберут, но ведь я могу и ошибаться.

Возможно, я ошибаюсь во всем этом. Возможно, мои сны всего лишь просто сны.

Но когда я подбираю свою ленту и занимаю место среди остальных, то замечаю Лету, наблюдающую со стороны. У нее на лице едва заметная улыбка, и она кивает мне головой. И в этот момент я полностью осознаю, что я не вообразила себе невесть что. Круг за кругом мы вращаемся, кружа вокруг столба, словно во сне. Я смотрю, как одна за другой остальные девушки отходят, пока лишь немногие из нас все еще держат свои ленты. Я вижу полные ужаса взгляды зрителей, так как они понимают, что скоро все решится.

Потом нас остается всего три, а конец моей ленты по-прежнему остается связанным со столбом.

Еще одна лента отпадает.

Теперь нас две.

Вторая девушка с ужасом на лице смотрит на меня. Глаза у нее красные, и она, спотыкаясь, продолжает кружить по кругу. Я, однако, спокойна. Очень спокойна. Я уже знаю, чем здесь все закончится.

Я поднимаю глаза на конец столба. Словно в замедленном темпе лента девушки отпадает от верхушки, оставив лишь одну, мою.

Я — невеста. Я — жертва Праздника Урожая этого года.

Слышу, что где-то там плачет моя мама. Я могу услышать несчастный ропот толпы. Вперед выступает министр королевства, чтобы пожать мне руку.

— Сегодня ты делаешь доброе дело, — говорит он мне.

Я лишь рассеянно киваю головой. Мне нет дела до него. Мои мысли обращены к сумке, полной повязками для глаз. Мне нельзя ее забыть. Это невозможно, если я намерена снять это проклятие. Это невозможно, если я намерена спасти чудовище.

«*Это то, чего ты действительно хочешь?*» Его голос из моего сна эхом отзывается у меня в ухе, и меня бросает в дрожь.

Я оборачиваюсь и вижу Лету с моей сумкой в руке. Она многозначительно смотрит на меня, словно напоминая мне о нашем разговоре.

— Это твоя судьба, — шепчет она, вручая ее мне.

Я этого не забуду. Я киваю ей головой, вешаю свою маленькую сумку на плечо и устремляюсь в сторону леса.

— Ты делаешь это ради всех нас, — заявляет министр, но я просто его не слушаю. Я уже пристально разглядываю густое, бескрайнее пространство деревьев вдоль тропинки и тени среди растительности.

Где-то там, в глубине, скрывается мое чудовище, и, вполне возможно, спасая его, я могу спасти и себя. Мы можем спасти друг друга.

***

Чем дальше я уйду от Камня Урожая, майского дерева и всех собравшихся там людей, становится все тише и тише. Лес гуще, чем я думала, и к тому времени, когда я исчезаю из поля видимости селян, становится тихо. Тропинка под моими ногами мощеная камнями, но сильно заросшая. Ветер треплет осенние листья. Я оглядываюсь вокруг, но ничего не вижу.

Мне надлежит помнить о том, что сказала Лета. Я останавливаюсь и открываю свою сумку, прощупываю ее, чтобы убедиться, не вложил ли кто-то мне в дорогу буханку хлеба и маленький кожаный мешочек с водой. Я вытаскиваю первую повязку и крепко завязываю ее вокруг моей головы. Я сделала даже маленькие кармашки для ушей, поэтому могу носить тяжелую материю, не волнуясь, что та станет сильно сползать вниз, раскрыв этим многие тайны. Как только она надежно закреплена, я снова хватаю свою сумку и поворачиваю голову, пытаюсь понять, что изменилось.

Я задаюсь вопросом, будет ли что-либо из всего этого происходить, как в моем сне.

Однако вокруг по-прежнему дьявольски тихо. В моем сне птицы пели, и листья шелестели, а вот это ощущается лишь... нервирующей тишиной. Нисколько не похоже на мой сон.

— Здесь есть кто-нибудь?

— Это я, — говорит Лета, стоя сбоку.

Я поворачиваюсь, не ожидая услышать голос знахарки.

— Лета? Что вы здесь делаете?

— Я пришла дать тебе самую последнюю часть наставлений, Уиллоу, — она прикасается к моей руке. — Ты очень смелая. Я знаю, ты справишься. Просто доверься себе

и тому, что я тебе сказала.

— Я запомню, — говорю я ей. — И я не стану ни на что смотреть, клянусь.

— У меня еще только один совет, о чем тебя предупредить, — говорит она, хватая меня за руку и крепко ее сжимая. — Как я уже сказала, если ты ему понравишься, чудовище будет пытаться убедить тебя снять твою повязку. Ты не должна этого делать, но есть и еще кое-что, — она прерывается. — Ты не должна позволять ему пролить семя внутри себя.

— Ч-что? — я чувствую, что краснею. — Я же девственница, Лета!

— Это уже ненадолго, моя дорогая, — говорит она грубоватым голосом. — Я много чего видела в своих видениях и разведывала множество возможных исходов. Я видела несколько разных вариантов будущего и что может произойти. И именно поэтому я должна тебя об этом предупредить — если займешься сексом с чудовищем, не позволяй ему кончать внутри себя. Не раньше, чем будет снято проклятие.

— Это может продлить проклятие? — спрашиваю я шепотом.

— Эээ... нет. Ничего столь ужасного. Просто поверь мне, — она похлопывает меня по руке. — Я не пытаюсь напугать тебя, Уиллоу. Просто даю тебе совет.

Я хочу спросить ее, откуда она знает, что я буду спать с чудовищем. В конце концов, он же монстр. Но тогда я вспоминаю свои сны и их эротический подтекст. Я слегка вздрагиваю, потому что в своих снах я отчаянно желаю заняться любовью с чудовищем. Но еще я хочу увидеть его лицо. Не знаю, что и думать. Не в моем характере бросаться на мужчину, тем более — на проклятого. Может быть, это предупреждение напрасно.

— Благодарю вас, Лета.

— Не стоит меня благодарить, — она советует. — Просто сними это проклятие.

— Буду стараться, — я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к ее руке, но ее уже нет. Я поворачиваю голову, но нигде ее не слышу. — Лета?

Тишина. На ветру шелестят листья, и я слышу, что вдалеке начинают чирикать птицы.

Точно так же, как в моем сне. Это... кажется таким правильным. Вот так он и начинался. Я приободряюсь, ощущая под ногами тропинку. Из-за повязки на глазах я не представляю, в какую сторону двигаться, но я не хочу идти в неправильном направлении. Я протягиваю руку перед собой и делаю шаг вперед. Листья начинают шелестеть, поразительно точно напоминая мне мой сон. Я почти надеюсь ощутить чудовище, стоящего позади меня. От осознания этой мысли у меня мурашки бегут по телу, и я протягиваю руку себе за спину.

Ничего. Никого нет.

— Эй? — я кричу. Никто не отвечает, вокруг лишь тишина. Я поднимаю свою сумку и делаю шаг вперед, а птицы продолжают чирикать и петь, листья кружат вокруг моих юбок. Не будучи уверенной, я останавливаюсь. Мне все еще кажется, что я нахожусь на тропинке, но как мне в этом убедиться? У меня всего три дня на то, чтобы снять проклятие, и я не хочу провести их, бесконечно блуждая по лесу. В порядке эксперимента я делаю пару шагов в сторону. Мощеная камнями тропинка заканчивается, и я ступаю на траву.

Птицы замолкают. Ветер утихает.

Ну, это жутко. Я возвращаюсь на тропинку. Птицы тут же возобновляют пение. Отлично. Если по-другому не получается, тогда они будут направлять меня. Я протягиваю руку вперед, чувствуя себя уязвимой и немножко глупой из-за того, что блуждаю по лесу с завязанными глазами. Все же, если это именно то, что необходимо, тогда я буду это делать.

Я продолжаю двигаться вперед, делая шаркающие шаги. Я иду медленно, но, по крайней

мере, я иду. Тропинка на удивление чистая, учитывая, что люди в проклятый лес никогда не заходят. Никто не осмеливается в него входить из страха, что живыми они уже не выйдут. Но у меня нет иного выбора, так что я иду вперед. Иногда камни неровные, и я спотыкаюсь, но повязка на глазах остается на месте. Иногда тропинка изгибается дугой, но я об этом не знаю, пока все не замолкает, а ветер стихает. Тогда мне приходится отступить на несколько шагов, найти правильный путь и, прислушиваясь, продолжать двигаться дальше.

Это странно томительный процесс.

Я иду очень долго, и пока я иду, холодный осенний воздух становится все холоднее. Дуновение ветра усиливается, воя вокруг меня и хлестая моими волосами как плетью, будто хочет стащить мою повязку с глаз, поэтому я останавливаюсь и на всякий случай привязываю вторую поверх первой. Я не дам чему-то столь незначительному, как ветер, разрушить мои шансы снять проклятие. Я снова поднимаю свою сумку, как только повязка на глазах надежно закреплена.

И тут я слышу это.

Рычание.

Это — низкий, отдаленный грохот, и я останавливаюсь, выжидая, будет ли он звучать так же, как в моем сне. Это чудовище? У меня мурашки по коже от этой мысли, я замираю на месте, ожидая, когда он заговорит.

Рычание становится все громче, и я крепко прижимаю сумку к своей груди. А что, если... А что, если это все-таки не чудовище? А что, если это волки? Я здесь, в лесу, в полном одиночестве, и ничего не вижу. Когда справа от меня раздается очередной рык, а второй — прямо передо мной, я с трудом глотаю.

Это не чудовище.

Не знаю, что мне делать. Рискнуть ли мне и снять повязки с глаз, разрушив все? Лета говорила, что будет нелегко, но я не понимала, что это будет... настолько опасно. На какой-то миг я до ужаса боялась, что чудовище меня так и не найдет, и что Лета все это время ошибалась — что у меня не получится снять проклятие. Что мне придется умереть в качестве корма для волков. Я копаюсь в своей сумке, надеюсь среди массы моих повязок для глаз и хлебных крошек найти нож или что-то типа этого, что могу использовать в качестве оружия.

Рычание становится все громче.

— Убирайтесь, — я шиплю. — Просто уйдите!

Я слышу, как что-то пробегает мимо меня, и я начинаю поддаваться панике. Что же делать? Что...

Леденящий кровь рев отражается в лесу, эхом повторяясь среди деревьев. Он настолько громкий и свирепый, что практически чувствую, как у меня волосы встают дыбом. Я сжимаю свою сумку еще крепче, как будто она может оградить меня от того монстра, который приближается. Это был не волк. Это нечто большее, нечто страшнее. В ужасе я шумно втягиваю воздух, крутя головой, как будто мне удастся услышать того, что бы это ни было, надвигающегося на меня.

— Ты что, дурочка? — низкий голос рычит откуда-то сзади меня.

Я потрясена. Это не таинственный, сексуальный голос из моих снов. Напротив, он звучит так, будто этот голос пережеван и проглочен чем-то другим. Его тембр — тот же, но голос скрипучий и более рычащий, а слова кажутся произнесенными сквозь зубы, словно ему тяжело говорить.

Но я знаю, кто это. Это — чудовище.

— Никакая я не дурочка, — кричу я. — Только будь осторожен — здесь волки.

— Я знаю, что здесь волки, — рычит чудовище. — Как ты думаешь, почему я их отпугнул?

— О! Благодарю тебя, — я продолжаю крепко держать свою сумку, не зная, что бы еще сказать. Я поворачиваю голову в его направлении, и сейчас более чем когда-либо я хотела бы знать, как он выглядит, и то, с чем я столкнулась. Раз он отличается от моего сна, сейчас меня разбирает любопытство сильнее, чем когда-либо.

И мне немного страшно.

— Сними с глаз эту чертову повязку, — говорит он низким, хриплым голосом, в то время как приближается ко мне. Я слышу, как он перебирает ногами по тропинке. Он громыхает тяжелым дыханием, движения у него медленные, к тому же он щелкает когтями о камни. Мне страшно... но еще я немного зачарована. Мысли у меня в голове устраивают гонки всеми самыми разными ужасными идеями о том, как он выглядит. *«Его ноги похожи на лапы медведя? Как у волка? Или они человеческие, с длинными изогнутыми когтями? Он всего лишь один зверь или смесь нескольких?»* Пока я, размышляя, слышу, что он подходит ко мне и снова говорит: — Сними повязку, чтобы ты мола взглянуть на свой кошмар. Давай уже покончим с этим.

У меня сердце сжимается, потому что, судя по голосу, он кажется побежденным.

— Не могу.

— Что ты не можешь?

— Не могу снять повязку. Я обещала... подруге. Мне очень жаль, — я мотаю головой. — Все равно это не имеет значения. Я Уиллоу, и меня прислали от королевства. Я та, кого выбрали у Камня Урожая. Я должна стать твоей невестой.

Чудовище долгое время молчит. А потом снова слышу медленное щелканье когтей, когда он бродит вокруг меня.

— Так значит, ты пришла, чтобы угробить свою жизнь?

— Надеюсь, что нет, — говорю я, сохраняя свой голос спокойным и жизнерадостным, чтобы противодействовать его мрачному тону. — Я родом из Виндибрука. Это та деревня, что прямо на окраине леса. Как твое имя?

— Мое имя? — он смеется, и его голос звучит скрипуче, словно разбитый гравий. — Меня называют Айнмхидом, девушка.

Я поражена, потому что «Айнмхид» на старом языке значит «чудовище».

— Я не собираюсь тебя так называть.

— Нет? — прозвучало так, будто это слово было вырвано из его горла. — Это именно то, что я есть.

Это имя все равно кажется чем-то ужасным.

— Нет, — говорю я твердо. — Я была бы признательна, если бы ты звал меня «Уиллоу», а не «девушка», а я буду звать тебя твоим настоящим именем. Итак, какое оно?

Он долгое время молчит.

— Руари.

«А-а! Рыжий король, опять-таки на старом языке». Хочу спросить, не рыжие ли у него волосы, но это может показаться оскорбительным. Может, у него вовсе не волосы. Может, у него... мех.

— Я очень рада познакомиться с тобой, Руари, — удается мне выдавить. — Прости,

если я потревожила тебя.

— Я ожидал, что кто-то придет, — ворчит он. — Просто... не тебя. Ну, пойдем уже. Следуй за мной. Я отведу тебя в свой замок.

Проклятый замок. Я вздрагиваю и протягиваю руку. В нескольких шагах от себя я слышу, что шелкающие о булыжники шаги Руари отдаляются. *Ой.*

— Эээ..., ты не мог бы быть столь любезен и вести меня? Я ничего не вижу.

— Убери с глаз эту чертову повязку, — огрызается он на меня. — У меня нет времени для таких глупостей!

Я не обращаю на это вредное поведение внимания и трясую ему пальчиком.

— Я уже говорила тебе, что не могу ее снять. Плетясь за тобой, я могу спотыкаться, к тому же тебе придется терпеть, если буду тащиться крайне медленно. Или же можешь вести себя как джентльмен и быть моим проводником.

Он снова рычит, низко и угрожающе, и я чувствую, как меня накрывает резкий всплеск тревоги. Я слишком сильно давлу на него? В этот момент он скорее зверь, чем человек? Он утверждает, что у него нет времени, а я ведь знаю, что его прокляли десятки — а то и сотни — лет назад. Он имеет все время в мире. Возможно, все это очень сильно сказалось на его сознании.

— Ты уверена, что хочешь прикоснуться к лапе чудовища?

Что ж, когда он все описывает вот так, нет, я в этом совсем не уверена. Но сейчас не время быть чувствительной.

— Раз я стану твоей женой, то наверняка буду прикасаться к большему, чем твоя лапа, — я все еще удерживаю протянутую ему руку. — Я тебя не боюсь.

Не могу определить, то ли он рычит, то ли посмеивается, но из его груди вырывается какой-то глубокий, грохочущий шум и это грохотание все приближается ко мне. Я остаюсь совершенно неподвижной, выжидаю. Я немного взволнована из-за его прикосновения: *«А что, если она покрыта чешуями? А что, если она покрыта мехом? А что, если она...»*

Рука, которая прикасается к моей, теплая. Сильная. Абсолютно человеческая. Ладонь покрыта мозолями. Он крепко хватает меня за руку.

Я совсем сбита с толку. *«Здесь кроме чудовища есть еще кто-то? Это —...прекрасная рука».*

— У тебя такой шокированный вид, — говорит он. — Мое прикосновение вызвало у тебя отвращение? — он слегка сжимает мне пальцы. — Мне тебя отпустить?

От удивления мне хочется громко засмеяться. Мне хочется провести пальцами вверх по его руке и проверить, ощущается ли он всем телом «нормальным» или в других местах он звероподобный. Но, судя его голосу, он кажется столь несчастным, поэтому я делаю первое, что мне приходит в голову, чтобы он почувствовал себя не таким несчастным — я тяну его ладонь к своим губам и целую тыльную ее сторону.

Он совершенно безмолвен, но я чувствую, что его насквозь пробирает внезапная легкая дрожь.

— Ну что ж, — грубо говорит он через мгновение. — Давай пойдем уже, пока ночь не наступила.

И он ведет меня через лес. Чудовище — нет, Руари — пока идем, молчит, и не слышно ни звука, за исключением тяжелой глухой поступи его ног на вымощенной камнем тропинке, шелканья его когтей, периодические всхрапывания его дыхания, этим жутко напоминая лошадь моего отца. Птицы продолжают петь, а вокруг нас в воздухе кружат

листья, стремительно проносясь мимо моих юбок.

Вдруг моя одежда зацепилась за что-то, и я остаиваюсь.

— Постой. Я застряла, — я отпускаю его руку и провожу пальцами вниз по моим юбкам, затем, зашипев, оттягиваю их обратно, когда неожиданно для себя наталкиваюсь за тернистую ветку. Меня овеивает слабый аромат — роза. — Ох. Кажется, я влезла в этот куст роз.

— Ммм, — подтверждает Руари.

Аромат несет в себе глубокий оттенок этих цветов, он сладкий и в то же время хрупкий. Я освобождаю свою юбку, после чего снова скольжу рукой в его ожидающую ладонь. Мы проходим еще несколько шагов, прежде чем мои юбки цепляются за другой куст. У этой розы более тяжелый, более мрачный аромат, густой, но все же прекрасный.

— Твои розы пахнут чудесно, — говорю я ему. — Как они называются?

— Мойра, — молвит он печально. — А та, что была до этого, — Кэйтлин. Дальше по дорожке будет Дорча.

Я теряю дар речи. Мойра... эта та девушка, которую выбрали возле Камня Урожая в прошлом году. Мне помнится, Дорча была несколько лет назад, а вот имя Кэйтлин слышу впервые.

— Здесь есть... еще розы?

— Десятки, даже сотни, — отвечает он печальным, грустным голосом.

— Что произошло с ними? — спрашиваю я шепотом.

— Проклятье.

— Как... как нам это остановить?

Он взрывается ломаным, глухим смехом.

— Если бы я знал, то уже сделал бы это, чтобы избавить этих девушек от их судьбы, — он прерывается. — И тебя тоже.

Господи! Чувствую, что мне становится не по себе.

— Что ж нам делать?

— Надеяться, что через три дня это проклятие исчезнет, — отвечает он резким голосом. — Нам пора. Идем. Мы подходим к замку.

***

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Замок меня встречает без каких-либо милых приветствий. Внутри холодно и пахнет сыростью, и Руари небрежно предупреждает, что, раз к нему никто никогда не приходит, камин он не разжигает. Его рука теплая и нежная, когда он ведет меня по пустым, гулким отдающим эхом коридорам и вверх по лестнице в комнату, которая должна стать моей.

По крайней мере, на три дня.

— Здесь ты будешь в безопасности, — говорит он мне резко. — Еду тебе доставят сюда, если ты того пожелаешь.

— У меня достаточно еды, — сообщаю я ему, прижимая к себе свою сумку. Комната, исходя из того, как звучит мой голос, ощущается большой, и мне так и хочется ее исследовать, но я слишком боюсь рисковать и снимать с глаз повязку. Даже после того, как Руари, своим тяжелым телом, глухо ступая и шелкая когтями, уходит, спускаясь вниз по лестнице, я повязку не снимаю.

Я не могу перестать думать о тех розах.

И о том, что мне осталось всего лишь три дня.

Глава 3

Уиллоу

— Что ты тут делаешь?

В моих снах голос чудовища звучит сексуально. Доминирующе. Я задерживаю дыхание, не мешая водовороту осенних листьев кружить вокруг моих юбок. У меня завязаны глаза, и я опять в лесу. И на этот раз нет никаких волков. Мы здесь одни. Полностью и совершенно одни.

Он ждет моего ответа. Хоть я и не вижу его, я чувствую, что воздух между нами преисполнен напряжением. Мои соски затвердели, и сейчас я полна волнения и предвкушения. Мне хочется поднять руки к лифу своего платья и прикоснуться к ним, но я вынуждаю себя сейчас не двигаться.

— Я хочу... — *«разрушить твоё проклятие»* — именно это крутится у меня в голове, но с моих губ срывается, — тебя.

Я слышу, как он втягивает воздух. Очевидно, что он столь же удивлен моим ответом, как и я. Но в тот момент, когда это срывается с моих губ, не могу отрицать свои чувства. Между нами, им и мной, есть влечение, и не имеет значения, что я не вижу его лица, что он чудовище или что я какая-то бедная, необразованная деревенская девушка, которая никогда никуда не выбиралась дальше своей деревни. У меня кожу покалывает от его близости.

Руари надвигается на меня, и я чувствую, как его мех трется о мою кожу, когда он подходит все ближе. Его рука скользит вверх и вниз по моей руке, и сквозь мою сорочку я чувствую покалывание его когтей.

— Ты хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе? — спрашивает он тем своим хриплым голосом, от которого у меня по коже бегут мурашки. — Ты не боишься чудовища?

— Я знаю, ты такой же человек, как и я. Ты не родился чудовищем.

— Пусть так, но чудовище — это то, во что я превратился, — он хватается за лиф моего платья и разрывает материю. Он просто срывает ее с моего тела, обнажив мои колыхающиеся груди. — Может, это именно то, что тебе нужно.

И я должна быть напугана, но я возбуждена от мысли, что он видит мое тело вот таким. Я не вижу его лица, понятия не имею, что у него на уме, но знаю, что он отчаянно хочет прикоснуться ко мне. Я чувствую это в нем столь же сильно, насколько я чувствую, как сильно у меня затвердели соски, как сильно они напряглись от необходимости ласк. Отчего меня так сильно влечет к этому незнакомцу? Это из-за того, что он из себя представляет? Я что, одержима чудовищем?

Или из-за того, что под той мантией я чувствую родственную душу? Что, возможно, он такой же одинокий и разочарованный, как и я...

— Ты хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе? — спрашивает он, тихо шепча мне на ухо. — Или прикоснешься сама к себе?

Мои руки скользят вверх и обхватывают груди...

Задыхаясь, я просыпаюсь, и меня накрывает всплеск разочарования. Ну почему я проснулась именно в этот момент? Это слишком жестоко. Мне хотелось узнать, к чему этот сон приведет. Мне хотелось узнать, каково это, когда чудовище — Руари — прикасается ко мне. Почувствовать его руки на моей коже. Узнать, что он хотел сделать дальше.

Короткий стон разочарования вырывается из моего горла, и я кладу руку поверх моей повязки для глаз, которую я ношу даже ложась спать. От отчаяния мне так и хочется сорвать ее, но не смею рисковать. Вместо этого, я пинком сбрасываю с себя тяжелые одеяла и лежу в постели на спине, не в состоянии опять заснуть. Особенно, когда мое тело пульсирует от неудовлетворенного желания.

После минутного колебания я задираю юбку своей длинной ночной рубашки и раздвигаю ноги поверх одеял. Я не перестаю думать о Руари, когда скольжу рукой между бедер и прикасаюсь к себе. Я скользкая от возбуждения, из-за сна моя киска горячая и влажная. У меня перехватывает дыхание, когда начинаю ласкать себя, двигая по складочкам пальцами вверх-вниз, прежде чем скользнуть глубже, чтобы ласкать чувствительную плоть вокруг моего клитора. Я стону от ощущений; кажется, будто все мое тело вибрирует от эротического напряжения. Я никогда раньше, когда прикасалась к себе, не была столь возбуждена. Ни разу. Мои пальцы двигаются быстрее, кружа вокруг бугорка моего клитора, размазывая по нему свои соки, назад-вперед в восхитительной попытке.

В то время как ласкаю свою плоть, я слышу низкий, звереподобный стон.

Я замираю, сопротивляясь желанию сдвинуть ноги. Почему-то я не удивилась, услышав чудовище, не после сна, который мне приснился.

— Ты наблюдаешь, как я ласкаю себя? — шепчу я во тьму.

— Почему?

Его вопрос сводится к одному простому слову, прозвучавшему резким и рычащим голосом.

Я с трудом глотаю, чувствуя себя одновременно и озорной и желанной. Если бы он испытывал отвращение, он бы незамедлительно ушел, не издав ни звука. Но, судя по голосу, не казалось, что он чувствовал отвращение. На самом деле, судя по голосу, казалось, что ему все нравится. Я снова начинаю ласкать себя, мои пальцы движутся сквозь мои влажные складочки.

— Потому что мне приснился ты, — отвечаю я нежным голосом. — Я видела тебя во сне, и от этого я промокла.

Руари снова издает низкий рык.

— Видела во сне чудовище?

— Вообще-то, тебя, — я снова начинаю тереть свой клитор, изогнув спину от того, насколько приятны эти ощущения. — В моих снах ты никогда не бываешь полностью чудовищем или человеком. Оба вместе, а ни тот, ни другой по отдельности.

Я скольжу пальцем вниз к центру моей сущности и погружаю его внутрь моего жара. Из моей груди вырывается короткий неровный вздох.

Тяжелое дыхание заполняет комнату. И в какой-то момент я осознаю, что оно исходит не от меня, а от него. Он никуда не уходит. Он... возбудился, наблюдая за мной. От этого я даже еще больше становлюсь влажной и ласкаю себя немножко быстрее, представляя в своем воображении то зрелище, которое я устраиваю для него.

— Ты прикасаешься к себе? — спрашиваю я его.

Он издает звук, похожий на рычание.

— Ну, это не означает «нет», — подразниваю я, а потом у меня перехватывает дыхание, так как я продолжаю потирать клитор, и удовольствие пронзает меня насквозь. Пальчики моих ног вжимаются в одеяла, и я слегка выгибаю бедра. Я уже так близко к тому, чтобы кончить, но это просто нечестно, особенно в случае, если он ласкает себя, наблюдая за мной. Мы же только начали. Не хочу, чтобы все это уже закончилось.

— Сними маску и выясни все сама, — велит он мне. Дышит он усиленно, свирепо.

Как бы то ни было, а я не собираюсь этого делать. Невзирая на то, как сильно я хочу увидеть его лицо — и узнать, поглаживает ли он себя. Я лишь прикусываю губу и, не обращая на него внимания, сосредотачиваюсь полностью на себе. Я хочу кончить, и эта напористая потребность в этот момент важнее всего остального. Я решаюсь сделать из этого полноценное шоу, хотя у меня щеки обжигают горяч от смущения. Хотя, я стараюсь это игнорировать, ведь кто еще сейчас находится здесь, чтобы это увидеть, за исключением Руари? Кто еще будет знать, за исключением Руари?

Если мне суждено умереть от проклятия, я проживу эти последние оставшиеся мне несколько дней без запретов. Мне уже нечего терять, зато обрести могу все.

Поэтому смело раздвигаю ноги. Я их широко расставляю и одной рукой раздвигаю губы моей киски, а второй — ласкаю себя. Хочу, чтобы он увидел все. Даю ему разглядеть, насколько я влажная, какая розовая и мягкая.

— Сними. Свою. Маску, — свирепо требует Руари, рыком произнося каждое слово по отдельности. Он теряет над собой контроль, словно, глядя на меня, он становится все более необузданным. Это заводит меня больше, чем мне даже в голову могло прийти, и я выгибаю бедра, в то время как тру себя, представляя в своем воображении его и все те озорные шалости, которые он мог бы с собой вытворять. Он ласкает свой член? Он огромный и зловещий, как и его тело? Или столь же совершенный — и человеческий — какой его ладонь была в моей собственной?

Хватит ли у меня храбрости, чтобы спросить?

Но тут меня пронзает оргазм, и с моих губ срывается вопль, я продолжаю напряженно себя тереть, теряясь в своем собственном наслаждении. Я задыхаюсь и вздрагиваю на постели, судорожно растягивая его так долго, как могу. В мое сознание проникает его голос, его хриплое дыхание, звуки, как он рукой ласкает свою собственную плоть. Секундой позже слышу, как, издав рев, он кончает, и тогда что-то горячее расплескивается мне на руку.

«Он... он что, возле моей постели? Настолько близко, чтобы можно было бы прикоснуться?»

Я поднимаю руку с киски, протягиваю ее...

Но он издает дикий рев, а в следующий момент от него и след простыл.

***

Несмотря на то, что у меня всего лишь три дня, чтобы справиться с этим проклятием, Руари бросает меня одну на весь следующий день. Я одновременно и в ярости и очень расстроена, ибо, как может помочь то, что он меня игнорирует? Разве он не хочет снять проклятие?

Такое ощущение, что он на меня зол.

Я, правда, не уверена, что понимаю, почему. Он хочет, чтобы из этого ничего не вышло? Он находит жизнь чудовищем предпочтительнее, нежели освободиться от своего проклятия?

Или он испытывает отвращение к моему вчерашнему довольно экстравагантному представлению? Казалось, что ему оно понравилось, но откуда мне знать это наверняка?

Это расстраивает, и мне очень мешает повязка. С ней на глазах не могу же я обыскивать этот замок в поисках его. Это — проклятый замок, поэтому может произойти все что угодно: я могу вывалиться из окна прямо в ров с водой. Могу случайно очутиться в подzemелье. Могу упасть с лестницы и свернуть себе шею.

И вот я сижу здесь, в своей тихой, бесшумной комнате и жду, когда он вернется обратно. Хочу с ним поговорить, узнать, что у него на уме. Хочу узнать, мечтает ли он о том же, что и я. Больше, чем что-либо на этом свете, хочу узнать, нравлюсь ли я вообще ему. Иногда мне кажется, что он меня ненавидит — как, к примеру, сейчас, когда он избегает меня — но тогда я вспоминаю, как он шпионил за мной, пока я спала. И он прикоснулся к себе, когда я этим занималась. Это не похоже на поступок кого-то, кто ненавидит меня.

Не знаю, что и думать.

День тянется медленно, а я пока обследую свою комнату. Здесь полка, полная книг, но я не смогла бы их прочесть, даже не будь у меня повязки на глазах. Здесь корзина для рукоделия, но я не могу ее рассмотреть. Здесь моя огромная кровать, дверь, которая ведет в остальную часть замка, после этого своими обследующими пальчиками обнаруживаю большое окно с деревянными ставнями. Я открываю их, пропуская внутрь порыв ветра, от чего моя прохладная комната становится еще холоднее. Однако, снаружи, я слышу звуки лесных птиц, листвы и дуновения ветра. Найдя стул, я подтягиваю его поближе и поворачиваюсь лицом во двор. Я ничего не вижу, но прислушиваюсь к осенним звукам, поступающим с улицы, и это помогает мне думать. От ощущения ветра на моих щеках я чувствую себя менее изолированной.

Ну, раз я весь день сижу без дела, я размышляю.

Руари намерен меня игнорировать. Возможно, из-за этого проклятия он уже слишком много выстрадал и теперь он меня отталкивает, предпочитая не думать обо мне до тех пор, пока я не исчезну. Считает, что не сможет причинить вред, если не привяжется.

Ну что ж, тогда я должна сделать так, чтобы меня нельзя было игнорировать.

Глава 4

Уиллоу

Позже той же ночью, когда становится холоднее и начинают стрекотать сверчки, я неохотно закрываю окно и возвращаюсь в свою постель. Это был долгий, тихий день, проведенный в полной слепоте, и я в очередной раз касаюсь своей повязки для глаз, чтобы убедиться, что та прочно находится на месте. Как только я успокаиваю себя тем, что это так, стянув через голову свою длинную ночную рубашку и отбросив ее на пол, я заползаю под одеяла. Я позабочусь о том, чтобы у него было полное обозрение на каждую мельчайшую деталь того, что этой ночью я буду вытворять с собой, даже если он этого не желает.

Подозреваю, он снова придет. Даже если он откажется со мной говорить, не верю, что он сможет устоять и не наблюдать за мной. Насколько мне известно, он весь день молча за мной следил.

Сама мысль о том, что он смотрит на меня даже сейчас, вызывает у меня трепет. Я скольжу рукой под одеялами и охватываю свою грудь. Он видит это? Он наблюдал за тем, как я раздевалась? Удивлен моей выходкой?

— Руари? — говорю я тихо, отталкивая другой рукой одеяла, чтобы он увидел мои груди. — Ты здесь?

Все абсолютно тихо. Но это же ничего не значит. Это значит лишь то, что я еще не добралась до него настолько, чтобы он утратил бдительность.

— Думаю, ты здесь, — говорю я безмятежно. — Мне кажется, что раз у тебя всего лишь одна гостья на несколько дней в году, то ты придешь и будешь наблюдать за ней, даже если не хочешь этого делать. Мне кажется, ты не сможешь долго оставаться в стороне.

Никакой реакции.

Начинаю задаваться вопросом, не ошибаюсь ли я. Может, его здесь нет и он не наблюдает за мной. Может, он вообще мной не интересуется. Будет уже неважно, что Лета считает, что я могу снять проклятие, если он несколько мной не интересуется. В любом случае, запрокинув голову, я скольжу руками по груди, потирая соски, и разговариваю с ним, будто он здесь.

— Хочешь посмотреть, как этой ночью я снова буду себя ласкать? А ведь я буду.

— Зачем ты это делаешь? — через мгновение раздается скрежет его хриплого голоса. Он звучит более свирепо, чем прежде, более дико. — Хочешь меня помучить?

— Вовсе нет, — я скольжу рукой вниз по животу. — Почему я не могу себя ласкать? Получить то удовольствие, которое хочу, перед тем, как мое время выйдет?

Слышатся шаги. И когда он говорит снова, судя по голосу, я понимаю, что он стоит гораздо ближе к моей постели.

— Ты еще носишь свою повязку для глаз.

— Да, — она прочно закреплена на своем месте, и я ничего не вижу. И чувствую острое сожаление о том, что не вижу его лицо. Хочу узнать, как он выглядит. Хочу узнать о нем все. Хочу увидеть его глаза, потому что хочу понять, о чем он думает.

А пока мне просто надо продолжать жить, полагаясь на веру.

— Разве ты не хочешь взглянуть на чудовище? — спрашивает он меня.

«*Больше всего на свете*», — думаю я про себя, но продолжаю скользить руками по своей обнаженной коже, лаская себя.

— Разве это имеет значение, как ты выглядишь? Это ничего из всего этого не изменит.

— Ты была бы в ужасе, увидев, какой я на самом деле.

— Ты можешь быть самым уродливым существом на земле, а я до сих пор тут, чтобы стать твоей невестой, — говорю я ему, улыбкой смягчая жестокость своих слов. — Мы оба застряли в этой ловушке, ты и я. Поэтому я просто предпочитаю на ближайшее время достичь единства взглядов, а остальное пусть все решится само собой.

Руари вновь медлит.

— А ты... не такая, как все остальные.

— Сочту это за комплимент, — я двигаю рукой вниз по бедру. — И тебе это, должно быть, нравится, иначе бы не вернулся.

Он издает прерывистый скрипучий звук, и тут я понимаю, что он смеется. Меня это радует. Я снова откидываюсь назад на подушки и выгибаю спину, подталкивая грудь вверх. Ощущения такие чувственные, и я возбуждаюсь от одной мысли, что он наблюдает за мной. В повязке для глаз есть какая-то не знающая границ свобода, невзирая на то, что она сдерживает мое зрение. Мне не нужно беспокоиться о том, что, корчась на постели, я выставлю себя на посмешище, поскольку кто здесь наблюдает? Кого, кроме нас с Руари, это касается? Это придает мне чуточку больше мужества сделать то, что я хочу.

— Не имеет значения, нравится ли мне это или ты. Через пару дней ничто уже не будет иметь значения. Ты станешь еще одной розой, о которой я буду горевать.

Его слова наводят нотку страха в моем сердце, но я предпочитаю не обращать на это внимания. Я должна верить в то, что мне поведала Лета. Я откидываюсь на бок и скольжу рукой по своему бедру.

— Ну, тогда почему тебя так волнует, нравлюсь ли я тебе или нет? Почему бы нам в то время, которое у нас еще осталось, просто не насладиться друг другом? — я двигаю рукой между своих бедер и накрываю ладонью киску. — Хочешь снова увидеть, как я ласкаю себя?

— Больше, чем что-либо в этом мире, — слышно его хриплое дыхание, и я чувствую его присутствие рядом со своей постелью.

Услышав его волнение, я все больше смелею. Я уже совсем влажная, а мои соски от возбуждения такие напряженные и твердые.

— Тогда и ты должен мне кое-что, — заявляю я ему. Я скольжу пальцем между своих складочек и потираю клитор, совсем легонько, но как раз достаточно, чтобы из моего горла вырвался вскрик.

Руари рычит мне.

— Скажи, что.

— Хочу, чтобы ты ласкал себя.

— В этом я не откажу. Сними маску, чтобы ты могла наблюдать, — обожаю, какое свистящее у него дыхание, будто сама мысль об этом приводит его в необузданную дикость.

Коротко мотнув головой, я продолжаю играть со своей киской.

— Маска должна оставаться на месте.

— А как ты рассчитываешь увидеть, что я прикасаюсь к себе?

— Почувствую все своими руками.

Он снова рычит.

— Ты... хочешь прикоснуться ко мне?

— Больше чего бы то ни было, — шепчу я. Эта мысль — восхитительно шаловливая. Прикоснуться к чудовищу? Взять его в свои руки, пока он удовлетворяет себя? Этим ничего еще не закончиться. Ни за что. Возможно, именно поэтому я так отчаянно этого хочу. Столько всего нужно успеть испытать, и все это я должна умудриться втиснуть в эти последние два дня...

Если вдруг Лета ошибается. Ну, на всякий случай.

— Ладно, — он говорит мне. — Но ты первая.

— На это я и рассчитывала, — говорю ему тихо и кончиком пальца провожу по своему клитору в точности так, как я всегда это делаю, когда ласкаю себя.

Руари испускает невнятный звук, будто подавился.

— Сделай так еще раз.

Я прикусываю губу и именно это и делаю, скользнув пальцем сквозь свои влажные складочки, а затем покругив вокруг клитора. Маленький комочек от каждого прикосновения покалывает, и я чувствую, что, реагируя на это, мои соски все больше твердеют. В моем животе обостряется ощущение пустоты, и с моих губ срывается вздох. Это так приятно, но все же мне хочется гораздо большего.

— Раздвинь для меня свои ноги, — бормочет он тихим голосом. Что-то горячие обвевают мою кожу, и, по-моему, это — его дыхание. О, Господи. Он настолько близко?

Я делаю так, как он хочет, и позволяю своим пальцам заниматься киской, прежде чем

скользнуть обратно к моему клитору. Обычно, когда я ласкаю себя, то сразу начинаю с клитора и не останавливаюсь, пока не кончу. Но когда он наблюдает, я одержима желанием растягивать время и позабавляться еще немножко. Ради того, чтобы слушать его ответную реакцию на то, как я ублажаю себя.

— Ты... ты прикоснешься ко мне? — от одной мысли об этом у меня судорожно подергиваются ноги, как если бы я вот-вот кончу. Ну, очень уж мне это нравится.

— Ты хочешь, чтобы к тебе прикоснулось чудовище? Ласкало твою сладость?

— Я хочу, чтобы меня коснулся ты, Руари, — эта идея настолько захватывающая, что я чуть ли не отрываюсь от постели. Я жду, задыхаясь от нетерпеливого предвкушения. Решится ли он на это? Или же оставит меня здесь одну, изнывающую от желания?

По прошествии времени, что по ощущениям кажется мучительно долгим, я чувствую прикосновение руки у себя на животе. Его кожа по сравнению с моей кажется горячей, но он по-прежнему кажется целиком и полностью человеком. Странно... и в то же время замечательно. Я издаю стон от этого слабого прикосновения и сразу начинаю закрывать бедра, поскольку чувствую, что в мою душу медленно вползает робость.

— Нет, — приказывает он резким, скрежещущим голосом. — Откройся для меня.

У меня перехватывает дыхание, и я заставляю себя делать то, что он велит, — раздвигаю ноги и предоставляю ему доступ к самым укромным и уязвимым частям своего тела. Его большая ладонь накрывает мою киску, опалая ее сокрушительным жаром. Я стону, не в силах оставаться спокойной. Это самое интимное, что я когда-либо в своей жизни испытывала, и от этого я одновременно и возбуждаюсь, и трепещу.

— Твое влагище такое мокрое.

От его откровенных слов мне не хватает воздуха, а когда он водит пальцем вдоль шва моих складочек, я стону снова.

— А это плохо?

Похоже, что он удивлен, и я задумываюсь, есть ли вообще кто-нибудь, кто не становится такой скользкой и разгоряченной, когда настолько сильно заводится. Я никогда особо над этим не задумывалась; просто это нечто такое, что всегда происходит, когда я возбуждена.

— Нет, конечно. Это очень, очень хорошо, — шепчет Руари. — Мне это по душе.

— Мне нравятся твои прикосновения, — говорю я ему, а потом снова стону, когда один из его больших и немного шершавых пальцев поглаживает мой клитор. — Да, именно так!

— Говори мне, как ты хочешь, — велит он. Чувствую, что его большая рука опускается на мой живот, а вторая — между моих бедер. Такое ощущение, будто он удерживает меня в подчинении, чтобы он смог прикоснуться ко мне, и это самое возбуждающее из всего, что есть в этом мире. Я не могу перестать стонать или двигаться под его хваткой. Мне хочется приподнять бедра, усилить трения его ласковых поглаживаний, которыми он одаривает мою киску, но он удерживает меня прижатой на месте.

Я задыхаюсь, мои руки тянутся к грудям, чтобы, пока он балуется моими складочками, пощипывать свои соски.

— Повтори, потри меня еще, — требую от него. — Делай маленькие круги вокруг клитора. Нежными прикосновениями.

— Вот так? — он проводит подушечкой одного из пальцев вокруг моего клитора, и я едва не отрываюсь от постели. Я издаю вопль, мое тело сотрясается от всплеска столь интенсивного наслаждения, а рука, что была на моем животе, тянется вверх и хватается за горсть моих волос, фиксируя меня внизу. — Ты попалась, милая Уиллоу, — шепчет он рядом

с моим ухом, а от звероподобного рыка, прорвавшегося из его горла, его слова становятся гораздо более эротичными. — Ты кончишь мне на пальцы? Намочишь мою руку своими соками?

Продолжая рассказывать мне всевозможные непристойности, он массирует меня именно так, как я того потребовала, пока не рыдаю от желания и словно выворачиваюсь в его руках наизнанку.

Когда я кончаю, то чувствую, что он наклоняется ко мне и прижимается своим лбом к моему, к повязке для глаз.

Задыхаясь от освобождения, я поднимаю руки и прикасаюсь к его волосам. Они мягкие и густые, дико разбросаны и достаточно длинные, чтобы касаться его плеч.

— Ты в порядке? — шепчу я.

— Дай... мне минутку, — говорит он мне. Он поднимает голову и отходит от меня. Руари делает глубокий вдох, после чего выпускает стон. Раздается едва слышимый звук облизывания пальцев. — На вкус ты просто потрясающая.

Я корчусь и извиваюсь одновременно и от удовольствия, и от замешательства, когда слышу это. Он пробует меня на вкус?

— На что это похоже?

— Это самое сладкое, что мне приходилось пробовать.

Я лишь кусаю губы от желания увидеть его. Черт, ненавижу эту дурацкую повязку! Хочу увидеть все, звуки чего я слышу. И это очень несправедливо.

— Скажи, а ты кончил? — спрашиваю я, проявляя любопытство. Возможно, он и кончил, но я об этом понятия не имею, потому что на этот раз я не почувствовала, чтобы что-либо попало мне на руку.

Он молчит, и я воспринимаю это, как «нет».

— Я... я могу прикоснуться к тебе? — спрашиваю я, затаив дыхание и трепеща от самой мысли.

— Ты хочешь прикоснуться ко мне?

— Естественно, — мой ответ даже для моих собственных ушей прозвучал слишком хорошо, чтобы быть правдой, поэтому я добавляю: — Мне бы этого хотелось. Если ты, конечно, не против.

Он смеется тем же самым прерывистым скрипучим смехом, который звучит, будто у него слишком много зубов.

— Будто я могу отвернуться от прикосновения прекрасной женщины?

— Ну, ты мог бы, — говорю я смиренно. — Но я была бы очень разочарована, если бы ты так поступил.

— Даже если дотронешься до меня, не могу ручаться, что это придется тебе по душе, — долгие мгновения он колеблется и хватает меня за руку, когда я пытаюсь тянуться к нему. — Я... чудовище во всем.

Я качаю головой.

— Для меня ты просто мужчина, — говорю я ему. И я медленно протягиваю руку вперед и кладу ее ему на грудь. Я совсем не удивляюсь, обнаружив, что она голая — возможно, чудовища носят не так много одежды — и при этом я не удивляюсь, обнаружив, что его грудь твердая, гладкая и мускулистая, с едва заметным пушком грудных волосков. Что-то она вообще не чувствуется звероподобной.

Все же, я чувствую, какой он напряженный под моим прикосновением. Он и правда

ожидает, что я отвергну его, и мое сердце болит за Руари. Я двигаюсь к краю кровати и кладу обе ладони ему на грудь.

— Я не нахожу ничего неправильного в том, какой ты на ощупь, — говорю я тихо. — Мне ты кажешься теплым и сильным, — я провожу рукой вниз по одной из его мускульных рук. Возможно, это часть его проклятия, возможно, внешне он выглядит звероподобным, но на ощупь чувствуется, как человек. Возможно, он даже сам этого не осознает.

А возможно, причина в повязке для глаз, которая сейчас позволяет мне почувствовать истину, а не проклятие? Кто знает.

Все, что я знаю, это то, что он чертовски приятен, когда прикасаешься к нему, и мне хочется исследовать каждую частичку его тела.

— Руари, — шепчу я. — Я очень рада быть здесь, с тобой, — такое ощущение, что мы вместе, и в этот момент я чувствую себя удивительно с ним связанной. Мы вместе втянуты в это проклятие, а также в наше взаимное удовольствие. Это захватывающе, и из-за этого во мне... все больше и больше пробуждается чувство голода.

Трех дней будет недостаточно, чтобы познать все тайны.

Но раз уж это все, что у меня есть, то и приходится так торопиться. Возможно, Уиллоу, которая вела уединенную жизнь, томясь одиночеством на ферме своих родителей на окраине Виндибрука, не изголодалась бы по телу незнакомца. Возможно, та Уиллоу была бы слишком застенчивой, чтобы столь нагло схватить его за руку и сжимать эти здоровенные мускулы, или проводить пальцами вниз по его животу, изучая его тело своими прикосновениями. Та Уиллоу никогда не посмела бы провести пальцами вдоль его длинного члена, на всем протяжении покрытого венками и прожилками, или не смогла бы взять в ладонь его мошонку, чтобы почувствовать ее нежный вес. Но Уиллоу из этого проклятия возьмет все, что сможет, схватив это обеими руками, и гораздо больше. Она намерена взять от жизни все, если эти три дня — это все, что у нее есть.

Когда я прикасаюсь к члену Руари, он задыхается. Он даже не шевелится, когда я руками изучаю его длину, или когда, обнаружив на его кончике капельки влаги, я подношу их ко рту, чтобы попробовать на вкус. Крепкий вкус, но не неприятный.

— Руари, — шепчу я снова, потому что обожаю слышать, как его имя срывается с моих губ..., и люблю, как в ответ на это он вздрагивает.

— Хочу увидеть твое лицо, Уиллоу. Полностью. И хочу, чтобы ты увидела меня.

И к моему ужасу, я чувствую, что он тянется к повязке для глаз.

С визжащим криком я откидываюсь назад. Материя повязки сдвинулась выше, приводя в беспорядок мои волосы, и едва болталась на моих глазах. Я крепко зажмуриваюсь и, чтобы чувствовать себя в безопасности, забиваюсь в калачик, закрывая лицо.

— Не смей! Ты не можешь этого делать!

Чудовище рычит.

— Почему? Объясни мне, почему?

Я не могу.

— Не хочу!

— Ты издеваешься надо мной, Уиллоу? Так вот для чего все это? Это какая-то твоя игра? — слышать его ярость, это ужасно. — Мне самому сорвать ее с твоего лица и закончить весь этот фарс?

— Сделай это, и ты потеряешь меня навсегда, — шепчу я. Потеряешь все в один миг.

— Все равно ты у меня тут всего-навсего еще один день, — заявляет он, и в его голосе

столько горечи. — Так какое это имеет значение?

— Это имеет значение для меня, — и потому что не могу доверять ему, я прикрываю свое тело покрывалами, забираясь под них с головой, словно ребенок, пока не скрываю от него всю себя. — Оставь меня одну, пожалуйста. Не хочу тебя видеть. Я не могу доверять тебе.

Руари издает еще один звероподобный яростный рев, после чего я слышу, как он вихрем вылетает из моей комнаты, когтями щелкая об каменный пол.

Глава 5

Уиллоу

Следующий день проходит практически так же, как и предыдущие, но теперь, более чем когда-либо, я осознаю, что время ускользает. С окончанием осени погода — прохладная и бодрящая от сильных ветров — стала чрезвычайно холодной. Я открываю окно и накрываюсь покрывалом, чтобы посидеть возле него, но это не очень удобно. День проходит бесконечно медленно, и я ничего не могу с собой поделаться, кроме как думать о каждом часе, который ускользает. О каждой минуте.

О Руари, который не появляется.

И лишь когда я забираюсь в свою постель и поправляю свои двойные повязки для глаз, я задаюсь вопросом, придет ли он еще ко мне. Не отказался ли он от меня?

Неужели он подумал, что, когда я попросила его уйти, я имела в виду — навсегда?

Неужели он подумал, что меня он уже не интересуется?

Он, конечно, испортил момент, но я от него не отказывалась. Мне по-прежнему хочется разрушить это проклятие. И я по-прежнему хочу его.

У меня уже мозг закипает от того, что пытаюсь додуматься до какого-нибудь скрытого смысла в наставлениях Леты. Тут есть что-то еще, что я упускаю? Но ее наставления были самыми простейшими, и если я буду их выполнять, по истечении этих трех дней проклятие будет снято.

«Нельзя смотреть на что-либо, что является частью его проклятия».

«Нельзя объяснять ему, в чем дело».

«Нельзя позволять ему проливать свое семя внутри меня».

Хотя, заключительная часть все еще вгоняет меня в краску. Вот только мы так ни разу и не добрались до того, чтобы он занялся со мной любовью. Все идет не так, как я надеялась, тем более ничего не получится, если он снова и снова будет бросать меня в полном одиночестве. Из-за моей повязки для глаз он чувствует себя глубоко оскорбленным, но мне же нельзя ее снимать. А из-за того, что у меня завязаны глаза, я не могу отправиться искать его.

Что же сделать?

— Руари? — зову я его. Никто не отвечает, даже тогда, когда еще пару раз я себя ласкаю, выкрикивая его имя. Он больше не приходит. В полном расстройстве я надеваю ночную рубашку и нащупываю пару туфель.

Если он отрекся от меня, боюсь, это повлияет на проклятие. И боюсь, что эту ночь мы должны провести вместе. Что-то мне подсказывает, что Лета, когда наставляла меня, вряд ли предвидела, что мы столько времени проводим порознь, но что я могу поделаться? Я — всего лишь девушка, и дюжины — а может, и сотни — девушек терпели поражение еще до меня.

Может, в итоге все это обречено на провал?

Но если это так, тогда почему бы не насладиться своей последней ночью в этом мире? Зачем проводить ее, увядая в полнейшем одиночестве? Не испытай любви?

Это определяет мою решимость. Если Лета ошибается — или если я потерплю неудачу — то лучше я умру в объятиях другого, испытав всю ту любовь, что могу, прежде чем судьба настигнет меня. Я соскальзываю с постели и протягиваю руки, чтобы нащупать стену. Я наталкиваюсь на нее и продолжаю нащупывать свой путь вперед вдоль нее, пока не обнаруживаю дверь. Я открываю ее и переступаю через порог, делая это, одной рукой держусь за толстую каменную стену. Пока продвигаюсь вперед, я нащупываю еще несколько дверей, однако, открывая каждую из них и выкрикивая имя Руари, никто не отзывается. Я продолжаю идти дальше, решительно настроенная найти его.

Я... надеюсь, что это не такой уж большой замок.

Когда я продолжаю идти дальше по коридору, у меня из-под ног уходит прочная основа. Я делаю шаг вперед, а пола просто нет. Слишком поздно я осознаю, что нашла лестницу, но уже подалась вперед...

Только, чтобы быть пойманной парой сильных рук. Я вскрикиваю от удивления и цепляюсь за плечи Руари.

— Ты меня поймал!

— Что ты вытворяешь, шатаясь тут вокруг слепой? — голос из него вырвется разъяренным рыком, а руки, которые держат меня, крайне напряжены. Он трясет меня, словно хочет стряхнуть мне голову с плеч, но вниз меня не опускает. — Я верну тебя обратно в твои покои.

— Что? Нет, не надо! — я цепляюсь за его шею, как если бы это поможет решить все проблемы. — И шаталась я тут, потому что искала тебя!

Он рычит.

— Зачем?

— Потому что ты не приходил, чтобы увидеться со мной, — говорю я тихо. — Если это наша последняя ночь вместе, неужели мы будем тратить ее вдали друг от друга?

Руари замирает.

— Ты же сама просила оставить тебя одну.

— Вчера ночью я испугалась. Мое доверие к тебе пошатнулось, и я не могла рассчитывать, что ты не сорвешь мою повязку. А для меня крайне важно, чтобы она оставалась на месте до завтрашнего утра, — я утыкаюсь носом ему в шею. Он пахнет теплом и слабым потом, вот только человеческим. *«Люблю его запах»*, — прихожу я к решению. Иногда мне кажется, что вся эта фигня с «чудовищем» лишь в его голове, но если бы я не прикасалась к нему, я бы подумала, что он чудовище. Он походит на него, судя по тому, как он ходит, говорит. Это сбивает с толку.

— До завтрашнего утра, — повторяет он медленно. — А утром...

— Знаю, — говорю я тихо. Утром я могу стать очередной из обреченных роз. — Но если это моя последняя ночь, я хотела бы провести ее с тобой. Только... Я не смогу, если ты снова попытаешься снять мою повязку для глаз. Ты можешь мне пообещать, что не попытаешься это сделать?

— Для тебя это так много значит?

Хотела бы я рассказать ему, как много это значит.

— Так и есть. Она должна остаться, — я протягиваю руку и, нащупав его лицо,

обхватываю его щеку ладонью. — Тем не менее, это не значит, что на мне должно оставаться все остальное.

Веду я себя чересчур дерзко, но что я, в конце концов, сейчас теряю?

Он издает стон и прижимается лицом к моему плечу, сжимая меня в своих объятиях.

— Как бы мне хотелось поцеловать тебя, Уиллоу.

— Ты не можешь? — я поднимаю руку и пытаюсь прикоснуться к его губам, но он мою руку отталкивает.

— Не надо, — он сжимает мои пальцы в своих. — Это самая ужасная часть проклятия. Н... Не хочу, чтобы ты это знала.

Он имеет в виду, узнала с помощью моих рук. О! Я киваю головой, понимая, каково это чувствовать себя неловко и уязвимо перед кем-то другим.

— Я не дотронусь до твоего рта, а ты не притронешься к моей маске. Еще какие-нибудь запретные зоны?

— Нет, — его голос звучит скрипуче, и это меня приводит в восторг, что его дыхание ускоряется, как и мое.

— Ну, тогда... мы можем провести сегодняшнюю ночь вместе? — я беру его руку и тяну ее к своей груди. — Думаю, я буду рада компании.

В ответ он снова поднимает меня на руки. Руари идет быстрым шагом, щелкая когтями о каменные полы.

— Куда ты меня тащишь? — спрашиваю я, лаская его руку. Мне хочется обласкать все его тело, исследовать его, настолько сильно, что просто умру, если не сделаю этого. Надеюсь, он не откажет мне.

— В мою постель, — выдает он рыком. — Ты не покинешь ее, пока я не закончу с тобой.

Господи, мне нравится эта идея! Мне очень нравится эта идея! Я тихонько лежу в его руках, пока он несет меня сквозь замок, и не похоже, чтобы мы шли далеко, прежде чем он открывает дверь и проходит в нее. Мне интересно, как выглядит его комната, и когда он мягко опускает меня на край постели, я протягиваю руку и ощупываю постель, чтобы исследовать ее. Любопытно отметить, что одеяла в полном беспорядке, а постель очень напоминает ту, которую я только что покинула.

— Это... это что, моя постель? Ты принес меня обратно в мою комнату?

Мне в голову приходит ужасная мысль. *«Он что, просто взял и передумал? Так быстро?»*

— Не в твою постель, — заявляет Руари хриплым голосом. — Ты всегда была в моей.

Я краснею при мысли об этом.

— Правда? Ты... ты всех женщин, которые сюда заявляются, тащишь в свою комнату?

Вдруг я осознаю, что желаю знать, влюблялся ли он в кого-нибудь из них. Скорбит ли он все еще об этой потере?

— Ты первая, кто оказалась в моей постели. На самом деле, ты первая, кто когда-либо прикасался ко мне, — он поглаживает мою щеку, и я машинально наклоняюсь к ласкающей руке. — Ты первая во многом, очень многом.

«И последняя», — я надеюсь.

— Это делает меня счастливой.

— А я? Я делаю тебя счастливой?

Я протягиваю руку и провожу вниз по его груди. Она ощущается широкой и

мускулистой, с едва заметным пушком грудных волос, которые выются у меня под пальцами. В ней ни в малейшей степени нет ничего звероподобного. Нет, насколько я могу судить.

— Делал..., пока ты не оставил меня одну на весь день. Понимаешь, без тебя здесь очень тихо и одиноко.

— Здесь всегда очень тихо и одиноко, — говорит он печальным голосом. — А дни, когда кто-то приходит, самые худшие.

— Потому что знаешь, что они уйдут? — у меня болит сердце за него.

— Потому что я знаю, что они будут в ужасе и почувствуют отвращение к тому, что я есть. Знаю, что своим проклятием я уничтожу их жизни и ничего не могу поделать, чтобы помочь им.

От ответа Руари мне становится очень грустно. Каким одиноким он, должно быть, себя чувствует.

— И тогда спустя три дня, они в который раз исчезают, усугубляя твое чувство вины.

Он прикасается к моей щеке.

— Я предпочитаю, чтобы сюда вообще никто не приходил, только так я могу спасти их жизни. Но если они не будут приходить, проклятие никогда не закончится. И, в конечном счете, мне не предоставлен выбор.

Его прикосновение нежное и приятное, и я наклоняюсь к нему, поглаживая его руку, пока он держит свою ладонь на моей щеке.

— А ты когда-нибудь влюблялся в одну из них?

— Никогда. Ни одна из них не смотрела на меня иначе, кроме как с чистым отвращением. Сложно полюбить, когда вызываешь отвращение, — его вторая рука опускается на мои волосы, глядя мои темные локоны. — Поэтому ты так решительно настроена носить свою повязку для глаз, Уиллоу? Чтобы ты не смогла увидеть меня и почувствовать отвращение?

— Дело не в этом, — почему-то мне кажется, что, увидев его лицо, я в любом случае не почувствовала бы отвращение. Я лишь была бы глубоко опечалена тем, что он проклят столь безжалостным образом. — Я держу обещание, данное мною кое-кому, не более того.

— Должно быть, это очень важное обещание.

Не доверяя себе, я киваю головой, чтобы не выболтать детали. Я не могу это обсуждать.

— Спасибо за то, что понимаешь.

— О-о, я не понимаю, — он издает резкий смешок. — Но я жадный. Я хочу прикоснуться к тебе больше, чем чего-либо еще, — он проводит пальцами вниз по моей руке. — И я хочу провести эту последнюю ночь, узнать, каково это — чувствовать удовольствие. Я — жадное чудовище.

— Не называй себя так, — предостерегаю я его. Я кладу руку ему на талию и нахожу, что он одет в какие-то брюки, хотя ткань кажется изношенной и старой. — Для меня ты просто Руари. Никакое не чудовище.

— Если бы ты могла увидеть, чего ты касаешься...

— Я все равно буду видеть Руари, — шепчу я ему. Мои пальцы находят шнурки его штанов, и я дергаю за них, развязывая, пока ткань не падает вниз. Там нет ничего, кроме безупречной кожи, и я тянусь рукой вниз, надеясь продолжить оттуда, где я остановилась прошлой ночью. Я не могу дождаться, чтобы исследовать его по всему телу, чтобы увидеть, что произойдет, когда я прикасаюсь к нему так, как он прикасался ко мне. Мысль весьма возбуждающая, и я практически ерзаю от нетерпения. — Могу я дотронуться до тебя, как

мне того хочется? Или ты все еще переживаешь, что почувствую к тебе отвращение?

— Ты можешь дотронуться до меня, — он поглаживает мою щеку снова. — Я твой.

Его слова одновременно переполняют меня и тоской, и возбуждением. Я прихожу к решению, что не стану спешить, потяну время. Поскольку мне нельзя смотреть, мне приходится полагаться на пальцы, чтобы для своих изголодавшихся чувств «описать» Руари. Я начинаю с его волос, которые под моими пальцами очень густые и вьются. Они взъерошенные и чересчур длинные, словно он не заботился о себе с тех пор, как был проклят. Я скольжу руками вниз, к его ушам, вскользь касаюсь их, прежде чем двигаться дальше к его лицу. Я прослеживаю пальцами черты его лица, пытаюсь воспроизвести для себя его образ. Его брови густые и тяжелые, а ресницы у него настолько длинные, что касаются моей кожи, когда я прослеживаю круги вокруг его глаз. У него крепкий нос с небольшой горбинкой. Его скулы кажутся высокими, а челюсть квадратная. К его рту я не приближаюсь, так как ему это может не понравиться, но догадываюсь, что мне бы захотелось его расцеловать, будь даже это тоненькая, твердая линия. Этот печальный, одинокий мужчина принадлежит мне. Хочу целовать его повсюду, где только можно, чтобы доказать ему это.

Но я этого не делаю. Я просто облизываю губы и продолжаю изучение. Мои руки спускаются к его плечам, и под моими прикосновениями они кажутся такими огромными и широкими. Я сжимаю его бицепсы, а затем кончиками своих пальцев брожу по его груди. Он там повсюду крепкий, без малейшего намека на жир поверх мышечной массы, и я не могу сдержать вздох, который срывается с моих губ от полученной возможности прикоснуться к нему.

— Скажи, что у тебя на уме, — требует он вполголоса.

— Только то, что к тебе прикасаться — это огромное удовольствие, — отвечаю я ему. — Я могла бы заниматься этим днями и ночами напролет. Мне очень грустно, что ты избегал меня весь день, потому что я определенно могла бы делать это много часов подряд, — я окидываю его легкой улыбкой. — Ты лишил нас обоих удовольствия.

— Я все тебе возмещу, — обещает он, и его рука тянется к моим волосам. Он проводит своими пальцами сквозь них, и, когда делает глубокий вдох, я подозреваю, что он их обнюхивает. — Я тебе все компенсирую, Уиллоу. Сегодняшняя ночь станет самой лучшей ночью, которая когда-либо у тебя была. Я доставлю тебе столько удовольствия, что ты будешь умолять меня остановиться.

Я сжимаю вместе свои бедра от мысли, потому что возбуждаюсь только лишь от того, что прикасаюсь к нему, а я даже еще не добралась до самых интересных частей его тела.

— А что, если я скажу тебе, чтобы ты ни за что не останавливался?

— Ну, тогда я буду продолжать бесконечно, — шепчет он. — До скончания времен.

От его слов у меня перехватывает дыхание. Как бы мне хотелось поцеловать его, но знаю, что не могу. Вместо этого я наклоняюсь вперед, утыкаюсь лбом ему в грудь и заключаю его в свои объятия. Мне плевать, что это может быть наша последняя ночь вместе. Она будет волшебной. В ближайшие несколько часов я намерена прожить больше, как никогда раньше. И я собираюсь взять все, что могу.

Мои руки скользят по его спине вниз, и я поглаживаю его ягодицы. Они крепкие и упругие, парочка впечатляющих подтянутых полушарий, и от мысли, что мои руки их ощупывают, я чувствую, что во мне пробуждается голод и мое терпение на исходе. Мне плевать, что он считает себя чудовищем, на ощупь он — самое совершенное существо во

всем мире.

— Ты великолепен, — говорю я ему. — Ласкать тебя почти так же приятно, как ласкать себя.

— Почти? — отвечает он, и в его голосе проскальзывают нотки лукавства.

— Почти, — поддразниваю я его в ответ. — Но ведь я еще не добралась до самых интересных местечек, — скользя руками вперед, я провожу ими по его бедрам, пока не добираюсь до него спереди. Я позволяю пальцам скользить по его коже, пока не нахожу то, что ищу — короткие, жесткие кудряшки, дающие мне понять, что я нашла его член. Я нежно их касаюсь, а затем почти воздушными, легкими прикосновениями начинаю исследовать его длину. Он толстый у основания, его кожа столь безупречна, как я помню с прошлой ночи, а его длина кажется бесконечной. Наверное, такой же длины, как мое предплечье, но сложно сказать, не видя его, чтобы сравнить. Он толстый и столь большой, что я не могу его обхватить — кончики моих пальцев не соприкасаются. Все же, самое захватывающее — это ощущать его. Этот парень словно покрытая нежной кожей раскаленная сталь. Это просто завораживает, и я могла бы прикасаться к нему несколько часов подряд. Кончиками моих пальцев я прослеживаю вверх к широкой головке его члена и обнаруживаю там значительную влажность. — Что произойдет, если я возьму тебя в рот?

Стон, который он выдает мне, тихий и прерывистый от желания.

— Ты толкаешь меня за грань моего предела.

— Разве? — мысль весьма интригующая. — Так... ты не хочешь, чтобы я это сделала?

Он издает еще один стон.

— Я бы... не останавливал тебя.

О-ооо! Это говорит мне о том, что ему хочется, чтобы я это сделала, так же сильно, как сильно я хочу ласкать его. Я соскальзываю с края кровати и, держась за его бедра, опускаюсь на колени на пол. Его член должен находиться у меня перед лицом, и я подаюсь вперед, беру его в руку, чтобы я могла направить его к своим губам. Я чувствую, как его пробирает дрожь, и от этого меня бросает в дрожь от моей собственной потребности. Иметь такую великую власть над кем-то всего лишь легким прикосновением. Это поистине потрясающе.

Я направляю его к своему рту и облизываю головку. Я пробую на вкус соленые капельки и мускусный аромат его кожи. Это очень возбуждающе, и я ловлю себя на том, что стону в то время, как исследую его своими губами.

Он хватается меня за волосы, и на мгновение я замираю, думая, что он сейчас полезет за моей повязкой. Но он лишь сжимает в кулаке прядь моих волос, удерживая меня в своей хватке.

— У тебя такой сладкий ротик, Уиллоу.

Я трепещу от его комплимента, возбуждаясь мысленным образом того, как его член лежит у меня на языке. Я касаюсь его своим языком, а затем провожу им вверх-вниз по его длине, пытаюсь выяснить, какие прикосновения ему нравятся больше всего, какие заставляют ту его руку, что в моих волосах, напрячься, какие заставляют его стонать от потребности. Когда дыхание с шипением вырывается из его горла, я не могу совладать с собой; я направляю руку под свою длинную ночную рубашку и между своими бедрами, лаская себя, в то время как скольжу по нему языком.

Руари стонет.

— Ты ласкаешь себя, пока доставляешь мне удовольствие, моя Уиллоу?

Я не отвечаю — вместо этого я беру его глубже в рот, посасывая жесткую длину. Я

теряюсь в его вкусе и чувствую, как его твердый, эрегированный ствол прорывается мне в горло, чувствую, как сжимается его рука в моих волосах. Я совсем не удивлена обнаружить, что моя киска скользкая, и поглаживание моего клитора заставляет меня извиваться лишь сильнее. Сейчас я настолько заведена, что могу кончить лишь от этого. Рука Руари в моих волосах снова напрягается, и я хнычу от желания.

— Слишком близко, — рычит он. Мгновение спустя он отступает, рука отпускает мои кудри, а его член выскальзывает из моего рта. Я издаю протестующий писк — я хочу еще.

— Вставай, — приказывает он мне.

Меня бросает в дрожь от решительных, повелительных ноток в его голосе, и я делаю, как он приказывает. Я поднимаюсь на ноги, встаю перед ним и протягиваю к нему руки. Но его руки поднимаются к воротничку моей длинной ночной рубашки, и, развязав там ленточки, он отодвигает ткань с моего тела, пока та не падает прямо к моим ногам.

— Ты только посмотри, какая же ты красивая, — бормочет он. Его большая ладонь накрывает меня между бедер, и его пальцы поглаживают мой клитор. Я резко вскрикиваю, едва не падая назад от того, насколько это приятно.

Но тут он толкает меня на кровать, широко раздвигая мои бедра, и я делаю, как он велит. Я ощущаю его шелковистые волосы на своих ногах и руку на моем внутреннем бедре. Это — единственное предупреждение, которое я получаю, прежде чем его рот накрывает мою киску, а его язык скользит сквозь мои мокрые складочки. Я снова кричу, мои руки тянутся к его волосам, когда он, издавая прожорливые звуки, усердно меня облизывает, прежде чем сосредоточиться на моем клиторе.

— Я... о боже, я сейчас кончу, Руари. Это чересчур! — выгибая спину, я прижимаюсь к нему, не в силах перестать хныкать. Не вижу, что он делает, но его рот на моей чувствительной коже являет собой стремительный натиск удовольствия, а я такая сверхчувствительная, и из-за этого я взрываюсь в мгновение ока.

Несмотря на это, он не поднимает голову. Он лишь низко рычит — и я чувствую, как вибрации пронзают все мое тело — но все же продолжает жадно поглощать мой клитор. Что-то твердое проталкивается в глубины моей сути, и внутрь меня погружается его палец.

Такое чувство, будто мое тело сейчас распадется на части. Мои мышцы напрягаются, и я издаю короткий, резкий вопль, когда достигаю кульминации, и интенсивное удовольствие захлестывает все мое тело. Я чувствую на своих бедрах влажность моего же освобождения, но Руари все равно не поднимает голову. Он облизывает меня снова и снова, пока я жестко и быстро не кончаю еще один раз, отчего у меня перед глазами вспыхивают звезды, и меня захлестывает новая волна наслаждения.

Когда он, наконец, отрывается от меня, я испускаю тихий стон. Он замирает, его пальцы выскальзывают из моей киски.

— Уиллоу... у тебя здесь кровь. Ты что, девственница?

Я киваю головой.

— А это плохо?

Внезапно своим тяжелым, но приятным весом он наваливается прямо на меня. Я чувствую, как он прижимается губами к моей шее, а его руки напрягаются на моем теле, когда он прижимает меня к себе.

— Я восхищен, что ты преподносишь мне такой дар.

— Руари, я бы отдала тебе все, что у меня есть.

— Все, кроме своего зренья?

Я тихонько вздыхаю.

— Ты прав. Все, кроме этого.

Он снова принимается целовать меня в шею.

— В таком случае я приму все то, что могу.

Я его обнимаю, когда он устраивается на мне поудобнее. Он большой и тяжелый, однако мне нравится его чувствовать. Когда он подхватывает мою ногу и размещает ее вокруг своего бедра, я уясняю намек и широко раздвигаю перед ним ноги. Он тут же подносит свой член к моей киске, и я втягиваю воздух от этого ощущения.

— Ты... ты уверена, что хочешь продолжить?

Я киваю ему головой.

— Я хочу тебя.

Что-то твердое перемещается у входа в глубины моей сути. Я легонько извиваюсь от необычных ощущений. Мгновение спустя твердая длина продвигается внутрь меня, и я делаю глубокий вдох. Это... совсем не так приятно, как я ожидала. Он кажется слишком большим, слишком сильно растягивает, но я стараюсь не двигаться и прикусываю губу, чтобы не закричать от весьма неприятных ощущений.

— Ты такая тугая, Уиллоу, — выдыхает он надо мной, и его лицо так близко ко мне. И опять соблазн поцеловать его накрывает меня с головой, и мне так жаль, что я не могу. Но я не из тех, кто предает доверие. Я касаюсь его щеки, обожая интимность самого акта, даже если он причиняет боль.

— Тебе нравится? — спрашиваю я его.

— Это лучше, чем все, что я когда-либо испытывал, — он снова прижимается лицом к моей шее, и тогда я чувствую движение его бедер. Он резко толкается в меня, и я шумно втягиваю воздух. Это... это было не так уж больно. Он начинает снова двигаться, и степень дискомфорта уменьшается, принося с собой необычное удовольствие, когда он начинает внутри меня медленный, устойчивый ритм. Господи! Я совсем этого не ожидала. И по мере того, как его движения ускоряются, его толчки становятся все жестче, и мне не верится, что я опять начинаю ощущать покалывание желания, но на сей раз — в глубинах моего чрева.

Он двигает бедрами, снова и снова врезаясь внутрь меня, и я задыхаюсь, потому что сейчас ощущения уже совершенно отличаются. Кажется, будто он нажимает на что-то незнакомое внутри моего тела, и, реагируя на это, мои ноги дрожат. Божественно восхитительные ощущения все усиливаются, и я ногтями впиваюсь в его кожу.

— Руари, — шепчу я под натиском обостряющихся чувств. — Я... Мне кажется...

— Знаю, — рычит он напротив меня. — Чувствую, как ты... как твое влагалище плотно сжимается вокруг меня... — он снова с силой врезается в меня, и я в очередной раз задыхаюсь. — Нужно, чтобы ты, Уиллоу, снова для меня кончила. Не хочу кончать без тебя.

— Не останавливайся, — говорю я ему, без усталости поднимая свои бедра навстречу ему, когда он снова ускоряет толчки в меня. — Боже мой, да, еще!

Словно обезумевший, он рычит и с безудержной свирепостью толкается в меня. Его руки хватают мои бедра, прижимая мое тело к себе, и больше не существует ничего, кроме как бесконечное удовольствие, когда я приподнимаюсь навстречу каждому его толчку. Я теряюсь в ощущениях, я потеряна для всего, за исключением ощущений от Руари на мне, Руари внутри меня. Руари, тяжело выдыхающего мое имя между шлепками наших тел.

Руари. Мой Руари.

И тогда это происходит — на этот раз оргазм, кажется, наступает где-то глубоко внутри

моего тела, и я слабо всхлипываю, когда все во мне сжимается от силы моего освобождения. Я даже дышать не могу, настолько он интенсивный, а то, что Руари испускает рев от неистового удовольствия, лишь делает его еще более восхитительным. Его толчки становятся дикими, и тогда, прежде чем я успеваю опомниться, он выкрикивает мое имя и опускается на меня.

Я лежу под ним совершенно ошеломленная тем, что только что произошло. И между бедрами я очень, очень мокрая.

Я позволила ему кончить внутри себя! Я совершенно забыла предупреждение Леты! Обеспокоенная этим, я лишь кусаю губы. Хотя она говорила, что это не отразится на проклятии, поэтому я решаю просто промолчать. Вред уже причинен. Я покрепче обнимаю своего Руари и еще сильнее прижимаюсь к его покрытому потом телу, и я — абсолютно довольна.

Глава 6

Уиллоу

Мы занимаемся любовью снова и снова до тех пор, пока совсем не обессиливаем, а наши тела не становятся липкими от пота. В какой-то момент я засыпаю в его руках, а его большое тело обнимает меня сзади, крепко прижимая меня к себе.

Когда я просыпаюсь на следующее утро, в комнату проникает солнечный свет. Передо мной окно в старомодной, богато украшенной комнате с росписью на потолке. Все выглядит серым и увядшим, как будто время не прошло бесследно. Солнечный свет льется внутрь и им залито все снаружи, а на расстоянии я вижу деревья с ярко-красными и оранжевыми листьями.

Свет... деревья?

Я касаюсь своего лица. Повязки для глаз на мне нет.

— Господи, нет, — выдыхаю я в ужасе. Я видела слишком многое? Я все испортила?

Позади меня Руари целует мое плечо.

— Ты говорила, что можешь от нее избавиться утром третьего дня. Я ее снял, пока ты спала. Я хотел увидеть твоё лицо, любимая.

О, нет. Пожалуйста, только не это. У меня в горле возникают рыдания, и я крепко-накрепко жмурю глаза. Это невозможно. Я не могу подобраться так близко к цели лишь для того, чтобы все потерять.

— О, Руари.

— Посмотри на меня, моя Уиллоу, — говорит он нежно. — Разве ты не хочешь меня увидеть?

Горячие слезы заливают мои щеки, и я их вытираю со своего лица. Я в ужасе от того, что увижу, но он прав. Я и правда хочу его увидеть, хотя бы лишь напоследок, прежде чем превращусь в одну из зачарованных роз. Я хочу взглянуть на своего Руари.

Я медленно переворачиваюсь, все еще держа свои глаза крепко зажмуренными. Я переворачиваюсь в постели до тех пор, пока не ложусь лицом к нему, и тогда я медленно открываю свои глаза.

Мужчина передо мной... красив. Ярко-рыжие волосы, теплые, карие глаза и крупный нос, только с небольшой горбинкой на нем. Его губы полны и великолепны, как я и ожидала, а его тело выглядит как безупречно вылепленная скульптура. Он восхитителен, вплоть до

мелких веснушек у него на лице и груди.

— Я настолько отвратителен, каким ты меня себе вообразила? — он выглядит серьезным. — Ты молчишь.

Сдавленный смех срывается с моих губ, и я бросаюсь на него, чтобы заключить в объятиях.

— Ты — самое потрясающее зрелище, что мне доводилось видеть.

— Я...?

— Проклятие. Оно разрушено! Сам посмотри! — я не могу перестать смеяться от радости, даже тогда, когда он выбирается из постели и абсолютно голый подлетает к зеркалу в дальней стороне комнаты.

Глядя в зеркало, в полном изумлении он дотрагивается до своего лица. И тут он оборачивается и смотрит прямо на меня с выражением полнейшего восторга на лице.

— У тебя получилось, Уиллоу! Ты разрушила это проклятье! — он мчится к окну, а затем указывает вниз. — Вот, посмотри! Подойди, сама в этом убедись!

— Я и здесь многое вижу, — говорю я ему, уставившись на твердую веснушчатую задницу моего очень даже сексуального возлюбленного. Я почти разочарована тем, что не видела его в виде чудовища. Почти... за исключением того, что «расколдованный» Руари так красив, что я несколько не возражаю. Я даю своему воображению восполнить пробелы. Я подхожу к нему, встаю рядом и смотрю вниз, а там цветущие изгороди медленно превращаются в... женщин. Девушки с волосами всевозможных цветов, во всевозможных платьях, некоторые из них одеты в старомодные платья со странными вплетениями, а в одной я узнаю девушку с Праздника урожая, проходившего несколько лет назад. Все они теперь свободны.

— У тебя получилось, — говорит мне Руари, с улыбкой, полной неверия, на лице. Он тащит меня к себе, берет мое лицо в ладонях и притягивает мой рот к своему в самом сладчайшем из поцелуев.

«Ожидания того стоили», — думаю я в то время, как заключаю его в объятия. Поскольку этот поцелуй — как и мой Руари — уж слишком волшебный.

Эпилог

Уиллоу

Одиннадцать месяцев спустя...

— К вам в королевскую детскую пришла посетительница, — сообщает мне страж, когда я нежно у своей груди укачиваю сына.

Любопытствующим взглядом я оглядываюсь на него.

— Кто это?

— Она говорит, что ее имя — Лета. Мне отослать ее прочь?

— Нет,пусти ее, — я укутываю своего маленького Конналла в одеяльце поплотнее и жду. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Лету видели в деревне. Она исчезла тем же утром, когда все заколдованные девушки толпой выскочили из леса и устремились в Виндибрук. Вскоре после этого министр уступил обратно трон моему Руари, и с тех пор он правит как король. Королевство все еще преодолевает последствия, но день ото дня под твердой рукой моего любимого жизнь становится все лучше.

Мы поженились спустя всего лишь месяц после того, как было снято проклятие, а наш сын родился спустя восемь месяцев, тютелька в тютельку. Виндибрук процветает на краю леса, лесорубы и охотники регулярно проходят через него, а у моих родителей в замке свои апартаменты, как это подобает членам семьи королевы. Жизнь — волшебна, и я счастлива, как никогда в своей жизни. По правде говоря, с Руари я была бы счастлива жить и где-нибудь в лачуге, однако быть богатой и могущественной тоже неплохо.

Женщина, которая врывается в комнату, одета в роскошные юбки, соперничающие с моими собственными, и с прической, украшенной драгоценными камнями. Она похожа на Лету, но ослепительно красива с волосами цвета растопленного золота. Глаза у нее захватывающе зеленые, и она выглядит... не от мира сего. Как принцесса из сказки. Я удивленно пялюсь на нее, крепко прижимая Конналла к своей груди.

— Да ладно, — говорит Лета сладким голосом. — Ты думала, Руари был единственным, кто пострадал от проклятия?

Она улыбается мне шаловливой улыбкой.

— Кто ты? — спрашиваю я. — На самом деле?

— Кое-кто, кто обрела свободу, точно так же, как и все остальные, — она одаривает меня загадочной улыбкой и, протягивая руки, направляется ко мне. — Это все, что я тебе пока что скажу. Ну же, дай взглянуть на малыша.

Я встаю и передаю ей своего маленького, милого сынишку, задаваясь вопросом, что она о нем подумает.

Она берет его и, повернувшись к окну, отодвигает одеяльце. Даже без солнечного света, совершенно очевидно, что у моего сына на лобике имеется пара крошечных рожков. Его более круглые глаза — сверхъестественного золотистого оттенка, но в других отношениях он выглядит как любой другой ребенок. Лета рассматривает его, а затем оглядывается на меня.

— Ты позволила ему кончить внутри себя.

Я заливаюсь румянцем.

— Мы э-э... в тот момент увлеклись.

— Ясно, — Лета пожимает плечами и возвращает его мне. — Я предвидела это, хотя он гораздо симпатичнее, чем был в моем видении. Наверное, это должно было случиться, учитывая твой импульсивный характер. В прошлом он сослужил тебе добрую службу, хотя я явилась к тебе, чтобы дать тебе еще одно предостережение.

В ужасе я крепко прижимаю сына. Мое сердце начинает колотиться.

— Еще одно предостережение? Есть еще одно проклятие?

— Что? Нет, ничего подобного, — она лукаво грозит мне пальцем. — Боюсь, предостережение то же самое. Когда в следующий раз ляжешь со своим мужем, не позволяй ему кончать внутри себя.

Я поглаживаю сладкую детскую головку маленького Конналла и целую в его лобик.

— Почему? Что может произойти? Опять рожки?

— Хуже того, — говорит она с самым серьезным видом, а затем вздрагивает. — Дочери — тройняшки.

Ооо! Ну что ж. Если это все, то я готова к этому.

— Мой муж вернется из пограничных земель этим вечером, — признаюсь я, прикусив губу. Прошла неделя с тех пор, как я его видела, и ужасно по нему соскучилась.

Лета хорошенько рассматривает меня, а потом вздыхает.

— Импульсивная, импульсивная ты штучка. И я знаю точно, как все будет, — она

подбирает в руки свои юбки и окидывает меня подчеркнутым взглядом. — В таком случае я вернусь через девять месяцев. С тремя подарками.

А я ничего не могу с собой поделаться, кроме как заливаться смехом.

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net